

Владимир Малик

Посол Урус-Шайтана

*Часть сборника
Тайный посол. Том 1*

Тайный посол

Владимир Малик

Посол Урус-Шайтана

«Фолио»

1968

Малик В. К.

Посол Урус-Шайтана / В. К. Малик — «Фолио»,
1968 — (Тайный посол)

Владимир Малик (настоящая фамилия Сыченко, 1921 – 1998) – украинский писатель, известный как автор историко-приключенческих романов (тетралогия «Тайный посол», «Князь Кий», «Червлёные щиты» и др.). Его произведения ставят в один ряд с романами Александра Дюма и Генрика Сенкевича. В 1983 году за достижения в области литературы В.Малику была присуждена премия им. Леси Украинки. В тетралогии «Тайный посол» рассказывается о борьбе украинского народа против турецко-татарских захватчиков во второй половине XVII столетия, про трагические события в Украине после Чигиринских походов и про оборону Вены (летом 1683 года). Увлекают невероятные приключения главного героя романа казака-сорвиголовы Арсена Звенигоры и его побратимов, чья самоотверженность в борьбе за «друзья своя», за честь, справедливость и человечность делает их настоящими рыцарями «без страха и упрека».

© Малик В. К., 1968

© Фолио, 1968

Содержание

Часть первая	5
Дорогою слез	5
1	5
2	6
3	11
4	13
5	15
6	21
7	23
На берегах Кызыл-Ирмака	29
1	29
2	31
3	35
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Малик

Посол Урус-Шайтана

Часть первая

Дорогою слез

1

По самому гребню горы двигались двое. Черные сторбленные фигуры четко вырисовывались на фоне холодного декабрьского неба. В тишине бескрайней степи под солнцем сверкал серебристый снежок, белым покрывалом укутывал землю, цеплялся за разлапистый сухой бурьян.

Замерзшая, вся в кочках, дорога неожиданно повернула вниз.

Высокий истощенный старик держался левой рукой за плечо подростка лет пятнадцати, а правой опирался на толстую суковатую клюку. Споткнувшись о замерзший ком земли, он чуть было не упал, но мальчик успел удержать. Большая торба из серого полотна, что болталась у старика за спиной, отлетела и стукнула по худому высохшему телу. Послышалось, как жалобно тренькнули струны.

– А, черт тебя подери, Яцько! – сердито пробурчал старик. – Ведешь меня по каким-то буграм и ухабам... Чего доброго, кобзу разобью и ноги поломаю.

– Не поломаешь, деда, – спокойно ответил мальчик, шмурыгая посиневшим от холода носом. – Уже недалеко... Вон и Сечь видно!

– Что ты мелешь? Как это – Сечь? Где?

– Да перед нами же!

– Правда?

Старик остановился и вытянул вперед голову на тонкой морщинистой шее, оставив в синий морозный простор глубокие черные провалы вместо глаз. Из них текли слезы.

В лицо повеяло ветром.

Старик вдруг тяжело задышал и больно вцепился костлявыми пальцами в плечо поводыря. Потом опустился на колени, сбросил кудлатую овечью шапку и склонил пепельно-седую голову в низком поклоне. Из груди вырвался не то стон, не то плач. Вскоре паренек услышал неразборчивое бормотание: старик, наверное, молился.

– Ну пошли же, деда! Не то и замерзнем тут, на этой горке... Насквозь продувает! – начал упрашивать паренек, втягивая голову в потертый воротник старой сермяги. – Нашел где молиться... Чай не в церкви!

Но старик словно не слышал этих слов. Вытер полою заплаканное лицо, встал и несколько раз вдохнул воздух, будто пробовал его вкус.

– И вправду Сечь! – промолвил глухо. – Пахнет дымом из кузни... Горячей окалиной несет... Кузнецы небось передержали железо в горне... И еще – печеным хлебом... Чуешь, Яцько?

Яцько промолчал. Только насмешливо покрутил головой: и придумает же такое старый! Окалина... Печеный хлеб... До Сечи верных пять верст еще! Намахаешься клюкой... Надышишься в заочневшие руки... Были бы рукавицы какие-никакие, то терпел бы как-нибудь.

А так – хоть плачь! Кончики пальцев так замерзли – болят как отрубленные... А вокруг голая степь. Ветерок небольшой, но до костей пронизывает.

– Ну, чего ты молчишь? – рассердился старик. – Иль, может, обманул меня, разбойник, что Сечь уже видно? А? Посмеялся над слепым?

– Охота была, – буркнул Яцько. – Сам туда спешу, как к родной матушке.

– А, может, это и не Сечь? – допытывался старик. – Скажи мне, ты видишь там реку в лощине?

– Да говорю же – Сечь!.. Вон Днепр блестит на солнце молодым ледком... или водой – кто его разберет отсюда... Блестит, будто серебро!.. А на полуострове – крепость. Хорошо вижу высокие стены с острым частоколом. И башню над воротами... Не разберу только, что там в середине понастроено... Далеко. И ветер слезу нагоняет, чтоб ему пусто было!

Старик дрожал как в лихорадке.

– А церкву... церкву посреди крепости... видишь?

– Еще бы! Вон как блестит золочеными куполами!

– Это она! Мать наша, Сечь! – прошептал старик и направил пустые глазницы в ту сторону, где, как ему чудилось, стояла казацкая крепость. – Добрался-таки! Через двадцать пять годков, а добрался!.. Слепой, немощный, никчемный... Но помру среди своих, среди побратимов...

Его высокая худая фигура словно застыла на фоне синего неба. Старик чем-то походил на огромную птицу: и протянутая вперед, будто крыло, рука, и большой крючковатый нос, и тонкие ноги в белых холщовых штанах – точь-в-точь умирающая птица взобралась на скалу, чтобы с нее, с высоты птичьего полета, в последний раз взглянуть на родную землю, которую настало время покинуть.

– А перед крепостью что? Есть ли там слободка? – снова взволновался он.

– Есть. Вроде села – большая, красивая.

– И вправду Сечь! – Старик засуетился, заспешил и снова схватил узловатой рукой паренька за плечо. – Тогда пошли быстрее! Не мешкай! Пошли!.. Чтобы до захода солнца там быть...

Яцько подтянул лямку торбы, свисавшую чуть ли не до пят, стукнул клюкой по звонкой мерзлой земле, и они рысцой стали спускаться с горы.

2

Корней Метелица, высокий, дородный запорожец с длинным седым оселедцем¹ и золотой сережкой в правом ухе, отбивался сразу от троих – Секача, Товкача и Арсена Звенигоры. В каждой руке он держал по сабле и орудовал ими так умело, что молодцы, хотя и заседали на старого, с опаской поглядывали на синевато-стальные молнии сабель знаменитого на все Запорожье рубаки, даром что это лишь игра: одно неосторожное движение – и острое лезвие рассечет руку до кости, скользнет по темени.

Низкое зимнее солнце склонилось на запад, за высокие, с дубовым частоколом, валы крепости и слепило нападающих. Хитрый Метелица намеренно ставил своих молодых противников в невыгодные условия. В бою все имеет значение: и умение выбрать время для нападения, и отступление – если понадобится, и обманный выпад, что подводит врага под удар, и местность, и освещение. Всем этим старый казачина пользовался с непревзойденной находчивостью, к тому же еще и подтрунивал над своими учениками.

¹ Оселедец (*укр.*) – сеledка, сельдь. У запорожцев так называлась длинная прядь волос (хохол), оставленная на темени бритой головы.

– Секачик, подтяни штаны, не то потеряешь! Какой же, к чертям, из тебя казак без штанов? Да очкур завяжи покрепче!

Под смех и гогот казаков, толпившихся вокруг, Секач поддернул левой рукой широкие красные шаровары и, уязвленный насмешкой, свирепо бросился вперед. Но мощный удар сразу охладил его пыл: сабля вылетела из руки и с лязгом упала на землю. Секач в растерянности остановился и стал скрести грубыми пальцами выбритый до блеска затылок.

А Метелица спуску не давал:

– Эй, Товкачик, чего разомлел, как линь в ущице? Поворачивайся живей, сучий сын! Будь казаком, а не квашней с тестом! – гаркнул он и плашмя огрел саблей по широкой спине неповоротливого крепыша.

Тот споткнулся, как спутанный конь, сплюнул и, вытирая рукавом вспотевший лоб, вышел из круга.

Остался один Звенигора.

Метелица сразу посерьезнел. Отбросил саблю, что держал в левой руке. На изборожденном морщинами и шрамами лице взбухли синие жилы. По всему видно, что с этим противником он считается.

В толпе тоже стал утихать шум: только теперь начиналась настоящая сабельная игра.

Звенигора с ходу ринулся в наступление – от его удара веером брызнули с сабель голубые искры.

Выше среднего роста, упругий и гибкий словно молодой дубок, с кучерявым темно-русый чубом вместо обычно принятого у запорожцев оселедца, – таким был этот молодец. Он разгорячен состязанием, его продолговатое, чисто выбритое лицо пылало ярким румянцем, а быстрые светло-серые глаза под выразительными размашистыми бровями блестели от озорного, разудалого восторга. Он с веселой улыбкой теснил старого казачину.

Сабли не останавливались ни на миг, под ногами бойцов гудела потрескавшаяся от мороза земля. Арсену хотелось каким-нибудь сильным или хитрым ударом обезоружить Метелицу или загнать в проход между куренями, что также означало бы для старого воина поражение.

Он не обращал внимания на то, что его суконная жилетка в двух местах рассечена насквозь, а левый рукав белой сорочки алеет выше локтя от горячей крови, – нажимал так, что Метелица вынужден был отступить.

– Ишь, сатана, какой рьяный! – беззлобно басил он: видно, любил молодого казака. – Ну, ну, давай, сынку! Пощекочи бока старому медведю! Но и сам остерегись. Хоть и молод ты и быстр, да Метелицу не просто одолеть!.. Ого-о, я вижу, ты не в шутку задумал пузо мне проткнуть! Побойся Бога, хлопец!.. Мне еще хочется осушить добрый ковш, а глядишь, и два горилки. А если сделаешь в моем грешном чреве дырку, то мне останется только слюну глотать, когда другие пить будут...

Дородный Метелица ловко отбил саблю своего молодого противника, опасно приблизившуюся к его действительно солидному животу. Звенигора отступил на несколько шагов, перевел дыхание, затем снова пошел в наступление и прижал старого к самому куреню с камышовой крышей.

Зрители заволновались. Молодые казаки криками и свистом начали подбадривать Звенигору:

– Давай, Арсен! Жми его!

– Выпусти деду Метелице бочонок крови! Это ему, старому черту, не повредит, меньше к молодежи будет лазить!

– И вправду! Его не опередишь!

– Го-го-го! Ха-ха-ха!

– Так его! Так! Черт его дери!

– А что, дед Метелица, жарко стало? Это тебе не блох ловить в кожане! Тут надо сабелькой действовать!..

Метелица смахнул рукавом с носа каплю пота. Из его широкой груди вырывался тяжкий свист.

А старые казаки, разумеется, были на стороне Метелицы. Маленький, темнокожий, высохший, как вобла, дед Шевчик, подергивая длинные белые усы, скакал сбоку на коротких ножках, подсказывал другу:

– Слева руби, Корней, слева! Не поддавайся молокососу, будь он неладен!

Все понимали, что это шутка, что единоборство закончится мирно возле бочонка с горилкой, но, как и всякая игра, поединок распалил страсти, и зрители горячились не меньше самих бойцов.

Наконец, прижатый к стене, Метелица бросил саблю в ножны.

– Ставь, чертов сын, кварту горилки за науку! И не очень-то нос задирай, что уступил тебе Метелица! – сказал он и строго добавил: – А ударов слева – берегись!.. Дед Шевчик правильно подметил...

– Спасибо, батько, – почтительно ответил молодой казак, одеваясь и тоже убирая саблю в ножны. – Поимею в виду... Еще раз благодарствую за науку! Я рад, что мой учитель – знаменитый на все Запорожье казак Метелица. Никогда не забуду тебя, батько!.. Ставлю бочонок горилки в благодарность – промочим горло!

Звенигора бросил корчмарю Омельке в кружку для денег серебряный талер. Крикнул:

– Угощайтесь, братья!

Но не успели казаки наполнить ковши, как в воротах появился слепой с поводырем. Из котомки у него выглядывал желтый гриф кобзы с темными дубовыми кольшками. Старик, видно, очень устал, он еле плелся.

– Сюда, сюда, деда! – закричал Секач, любитель танцев. – Выпьешь чарку да заиграешь нам гопака!

Поводырь подвел слепого к гурьбе казаков.

– Мы уже в Сечи, Яцько? – спросил старик.

– Ясное дело. Слышишь – казаки вокруг.

Кобзарь скинул шапку и, чутким ухом уловив дыхание многих людей, уставил в их сторону пустые глазницы. Потом низко поклонился. А когда поднял голову, то все увидели, что по щекам старика текут слезы.

– Неужто я в Сечи, братья? Не верится!

– В Сечи, дед! В Сечи! – зашумели казаки. – Чего ж тебе не верится?

– Долго рассказывать, други... Вот уже двадцать шестой год, как схватили меня крымчаки и в неволю продали. Под самый Цареград... Двадцать пять годков не пил я воды из нашего Днепра... Только рвался к нему!.. За это и очей лишился!.. А теперь, лишь перед смертью, снова в Сечи! Дома!.. Спасибо судьбе, что – хотя и на старости – обратила ко мне лик свой!..

– Ба, ба, ба! – вдруг прогудел Метелица. – А ты, часом, не Данило ли Сом, братец?

У кобзаря по лицу промелькнула какая-то неясная тень, словно он старался вспомнить, где слышал этот голос. Морщинистые руки дрожали, мяли шапку.

Над площадью нависла тишина.

– Разрази меня гром, не узнает, старый хрен! – Метелица ударил кобзаря по плечу. – Метелицу не узнает! Да где такое видано?.. Должно быть, здорово тебе, братец, память отшибли проклятые нехристи!

– Метелица! – Кобзарь широко раскинул руки. – Корней! Побратим дорогой! Какая радость, что первого тебя встретил!

Они крепко обнялись.

А вокруг уже теснились другие старые казаки. Сома передавали из объятий в объятия. Оказалось, что еще многие помнят его.

– Ну, как ты?..

– Откуда? Рассказывай же, Данило!

– Да ты никак с того света?!

– Погодите, братья, – произнес Сом. – Все скажу. Только потом. А сейчас ведите меня к кошевому... У меня к нему дело важное.

– Иди, иди, Данило, да возвращайся поскорее, пока в бочке кое-что осталось, а то без тебя осушим! – забасил Метелица и велел Товкачу: – Проведи старика к Сирко!

Товкач взял кобзаря за руку, повел через площадь к большому дому с высокими окнами с разноцветными стеклами и широким крашеным крыльцом.

Теперь казаки обратили внимание на поводыря слепого кобзаря.

Яцько стоял в сторонке, не очень вслушиваясь в разговор. Он с восхищением рассматривал Сечь.

Так вот, оказывается, какие они, запорожцы. Даже удивительно, до чего они похожи на крестьян его родной Смеречовки, откуда он сбежал в конце лета. Такие же огрубевшие от работы руки и обветренные, дождями и солнцем выдубленные лица. У большинства поношенные, латанные свитки, кожухи, стоптанные сапоги и полотняные штаны. Лишь немногие из казаков красовались в дорогих панских кунтушах² или новых кожухах по фигуре...

Но в то же время они и отличаются от смеречовских крестьян. У запорожцев смелый, гордый взгляд, которого Яцько никогда не видел у односельчан. У каждого сабля на боку, пистолет, а то и два за поясом. А на головах овечьи, лисьи или заячьи шапки... Нет, они совсем не такие, как на родной его Гуцульщине!

Потом его взгляд пробежал по длинным приземистым хатам-курням, почти вплотную прижавшимся к крепостным стенам. Камышовые крыши припорошены мелким снежком. Под ними темнеют узкие, словно бойницы, оконца. Дома войсковой канцелярии и старшин выше, красивее, покрыты гонтом³. На другой стороне площади радует взор крашеными стенами и золочеными куполами сечевая церковь.

Заметив, что казаки обратили на него внимание, мальчонка поспешно сдернул шапку, поклонился и хрипло произнес:

– Добрый день, панове казаки!

– Здоров, парень! – ответил за всех Метелица. – Да не зови нас так, какие паны из нас, голодранцев... А паны – там, – кивнул он на дома сечевых старшин. – Понял?

– Понял.

– Правда, кое-кто и из нашего брата прется в паны. Ну, да это не твоего ума дело... А теперь выкладывай, откуда сам будешь. Где с Сомом повстречался?

– Все, все, что спросите, расскажу... А сперва вот... мне бы Арсена Звенигору найти.

Казаки удивленно переглянулись:

– Эге, у Звенигоры, вишь, и родич объявился! Да ты-то сам разве его не знаешь, нашего Звенигору? Он здесь, между нами...

– Нет, не знаю... Надо ему кое-что передать...

Арсен вышел вперед. Царапину на руке он успел залить горилкой и присыпать порохом. Поверх надетого уже малинового жупана на нем был внакидку наброшен кожух, украшенный красивой вышивкой. И жупан и кожух во многих местах залатаны, – не у одного хозяина, знать, побывать успели, пока к казаку попали.

– Что ж ты хотел передать мне, хлопче? – спросил он недоумевая.

² Кунтуш (венг., пол.) – старинный верхний кафтан у украинцев и поляков.

³ Гонт (спец.) – дранки, дощечки, которыми кроют крыши, вкладывая сточенный конец одной дранки в паз другой.

– Я из Дубовой Балки, я...

– Ты из Дубовой Балки? – подался вперед Звенигора.

Сердце у него екнуло: там, на берегу Сулы, вот уже третий год живут его родные – мать, сестра, дедусь. Не случилось ли с ними чего? Может, несчастье какое? Он сжал пареньку плечо.

– Мои с тобой передали что? Как мать?

– Мать захворала. Передали, чтобы прибыл как можно скорее...

– Что с нею? Ты видел ее?

– Нет, не видел. Сестра твоя сказывала, когда мы с дедом Сомом у них ночевали.

– Так ты сам, выходит, не из Дубовой Балки?

– Нет, вуйку⁴, из Карпат я... Может, знаешь – из Смеречовки... От пана Верещаки убежал... Не слышал?.. Злющий, аспид!.. Над бедными холопами издевается, как над скотиной!.. А нынче думаю казаковать, если примете...

Но Арсен уже не слушал парня. Лицо его помрачнело, серые глаза потемнели. Мысленно перенесся в Дубовую Балку. Заглянул в маленькую хатку-мазанку у рощи, шагнул к простой деревянной кровати, которую сам смастерил, склонился над матерью... Старался представить, какая она теперь... Должно быть, бледная, с мелкими морщинками под глазами, густые волосы рано покрылись белой изморозью седины... Что за лихоманка привязалась к ней? Или тоска по мужу, отцу Арсена, иссушила ее сердце? Застанет ли ее живой? Имел бы коня, дня за три-четыре доскакать можно!..

– Омелько, я оставляю здесь кое-что из имущества, – обратился Арсен к корчмарю, угощавшему казаков. – Может, дашь мне коня под залог?

– Ты, брат, хочешь ехать домой? – спросил Секач, слышавший разговор друга с поводьярем.

– Да, проведу родимую... Вот Омелько даст мне коня...

– А если ты загонишь его? – хитро прищурился корчмарь.

– То заплачу. Небось, дашь такую клячу, что стыдно и сесть на нее, а сдерешь, как за родного отца...

– Зачем же, дам доброго коня! Но за каждую неделю заплатишь мне по четыре злотых. Ну, по рукам?

Это, конечно, было очень дорого. Но Арсен согласился. Не топтать же пешком по бездорожью, когда по утрам выпадают снежок или иней, тающие днем, и степь становится седой от росы.

– Заедешь ко мне на хутор, скажешь жинке, чтобы дала Гнедого. Она знает. А седло – в каморке, – объяснял Омелько, радуясь нежданному заработку.

– Ладно, спасибо, – кивнул Арсен в ответ, затем поклонился товариществу:

– Бывайте здоровы, други! Не поминайте лихом! До встречи! – Он поворачивался во все стороны и отвешивал поклоны захмелевшим казакам. Щеголеватый Секач, увидев латки на кожухе и жупане товарища, крикнул:

– погоди, Арсен! Снимай к чертовой матери свои лохмотья! Негоже казаку из Сечи ехать оборванцем! Да разве кошевое товариство не может снарядить тебя как следует? Вот на, держи-ка!

Он быстро сбросил с себя тонкий синий жупан из венгерского сукна и серую мерлушковую шапку.

– Теперь не стыдно и под венец! – с удовлетворением осмотрел он товарища, натягивая на себя его поношенную одежду. А завидев Товкача, который, ничего не ведая, приближался к ним, громко крикнул: – И первому же, кто посмеет обозвать запорожца горемыкой или бедняком, заткни глотку сабелькой Товкача!

⁴ Вуйко (гуцул., укр.) – дядя.

Красноречивый жест в сторону дорогой Товкачовой сабли, сверкавшей на солнце драгоценными камнями, и прозрачный намек, чтобы тот подарил свою саблю другу, вызвали среди казаков смех. Все знали пристрастие Товкача к дорогому оружию. Сам он был, пожалуй, одним из беднейших среди товарищества, ходил в лохмотьях, зато имел красивейшую саблю. Такой даже у кошевого не было.

Товкач захлопал черными воловьими ресницами, однако потихоньку стал отстегивать от пояса саблю. Нижняя губа у него задрожала.

– Я с радостью... Чего ж... Бери, Арсен! – бубнил он. – Нетто пожалею для друга?..

Все видели, что ему все-таки жалко расставаться с саблей, и потешались над плохо скрытым огорчением казака. Метелица весь трясся от смеха и огромными кулаками вытирал слезы. Его толстые мясистые щеки мелко дрожали, а белая мохнатая шапка едва не падала с головы.

– Ох-хо-хо! Сегодня ночью нашего Товкачика блохи закусуют! С досады не заснет до утра!.. Брось тужить, парень, еще подвернется под твою руку какой-нибудь татарский мурза – и снова займешь такую же цапку! – Арсену же сказал: – А от меня, сынку, получай трубку и кiset! Кури на здоровье!

– Спасибо, батько! Спасибо, друзья! – благодарил растроганный Звенигора.

В это время на крыльце войсковой канцелярии появился джура⁵ кошевого.

– Звенигора! – крикнул он. – Звенигора-а!

– Чего тебе? – ответил казак, одергивая на себе новый кожух.

– Давай живей до кошевого! Не мешкай!..

Арсен удивленно посмотрел на товарищей, как бы спрашивая, что там стряслось, но никто ничего не знал.

3

– Бью челом тебе, славный кошевой атаман Иван Сирко! – торжественно поздоровался и низко поклонился кобзарь, когда Товкач ввел его в большую опрятную комнату войсковой канцелярии и шепнул, что перед ним – сам атаман. – У меня к тебе дело спешное... Важное и секретное... Сирко подал знак Товкачу, чтобы вышел, а сам встал из-за стола и сказал:

– Я здесь один, кобзарь... Садись, говори...

Он взял старика за руку и подвел к широкой скамье, покрытой пушистым ковром. Пока кобзарь садился, кошевой отступил назад и оперся рукой о стол.

Это был высокий дюжий казак лет шестидесяти пяти. Хорошо выбритое лицо с мощным крутым подбородком и прямым носом пышет здоровьем. Из-под изогнутых косматых бровей внимательно смотрят пытливые глаза. Одежда Сирко говорила о том, что казак заботится не так о ее красоте, как об удобстве. Широкие шаровары пурпурного цвета, заправленные в мягкие сафьяновые сапоги, и белый жупан из фриза⁶ – вот и вся одежда. На левом боку висит дорогая сабля – подарок молодого царя Федора Алексеевича, севшего этой весной на московский престол.

От всей ладно скроенной и сбитой фигуры кошевого веяло неукротимой жизненной силой, внутренним пылом и необычайной решимостью – всем тем, что в те суровые времена выдвигало человека в ряды военных предводителей.

– Я слушаю, кобзарь. Какое у тебя дело ко мне? – спросил Сирко.

Кобзарь поднял желтое изуродованное лицо, и на его губах мелькнула горькая улыбка.

– Ты не узнаешь меня, Иван?

Сирко отрицательно покачал головой, будто слепой мог это увидеть.

⁵ Джура (*укр.*) – слуга, оруженосец у казацких старшин в XVI-XVII вв.

⁶ Фриз (*фр.*) – шерстяная ворсистая ткань из провинции Фризланд в Нидерландах.

- Нет, не узнаю.
- Оно и правда, мы с тобой вместе гусей не пасли... Но если пороешься в памяти, вспомнишь все же казака Данилу Сома...
- Постой!.. Неужто ты тот самый Сом, что под Берестечком принес Хмельницкому известие об измене татар?
- А как же... Что правда, то правда, это был я, проклятый...
- Почему же проклятый?
- А потому... Не узнай я о тайном отъезде хана и не извести об этом гетмана, может, все повернулось бы иначе... Может, хан не захватил бы обманом Богдана в плен и не завез его аж на Ингулец...
- Ты, кажется, вместе с Хмельницким кинулся тогда догонять хана?..
- Гетман взял не только меня. Вся гетманская стража была с ним, когда он погнался за татарами. Многих из нас они завезли в Крым, а там продали туркам... Почти двадцать пять лет не снимали с меня железа. Оно въелось до самых костей. Вот... – Кобзарь закатил рукав свитки и показал Сирко синие рубцы от ран. – Не вытерпел – сбежал... Да разве убежишь? На Дунае поймали – глаза выжгли... Только тогда и отпустили... Целый год бродил по Валахии⁷, покуда добрался до Покутья⁸... А оттуда уж сюда... к тебе... О брате весть принес.
- О брате? О каком брате? – У Сирко дернулась левая щека.
- Разве не было у тебя братьев?
- Были... Но они давно погибли! Максим на Тикиче – от татарской стрелы... Сам видел... А Нестор... Хотя... Неужели ты что-то новое принес про смерть Нестора?
- Зачем про смерть? Живой он...
- Живой?! – воскликнул Сирко. – Ты хочешь сказать, что видел его? Что он был с тобой вместе в неволе?
- Да, мы были вместе с Нестором в неволе. Последние годы неразлучно.
- Сирко замер возле кобзаря. Грудь его тяжело вздымалась. Он побледнел, закусил серебристый ус.
- Невероятно!.. Сам подумай, сколько лет мы все считали Нестора погибшим... Его вдова снова вышла замуж... Море воды утекло! И вдруг такая новость! Полковник Яким Чернобай клялся мне, что Нестор у него на глазах погиб...
- Яким Чернобай? – Старик стукнул по полу посохом. – Мерзкий изменник, трус – вот кто он!.. Он бы мог тебе поведать правду про брата, если бы захотел... Но он этого никогда не сделает!.. А Нестор мне рассказал, как это было... В бою, когда татары потеснили наших, под Нестором упал конь. Чернобай был рядом и мог выручить товарища. Стоило только нагнуться, чтобы освободить ногу Нестора из-под седла. Но Чернобай плашмя ударил саблей своего жеребца – и удрал... А вскоре подбежали татары и заарканили Нестора. Чернобай брешет...
- Ну ладно, садись, Данило, – взял себя в руки Сирко. – Не об этом будет речь... Где Нестор? Как вызволить его?
- Последние годы мы все время были у одного богатого турка. Недалеко от Варны, в Болгарии... Село Рудник... Оттуда я бежал... Нестор, наверное, и доселе там.
- Если жив.
- Живой... Он моложе меня. И крепче. Что с ним делается?
- Почему же он не бежал с тобой?
- Последний год я пастухом был и жил свободнее. Без надзора. А он работал то в каменоломнях, то на виноградниках. Всегда с надсмотрщиком... Но выкупить его можно. Если

⁷ Вала́хия (*ист.*) – княжество, находившееся в вассальной зависимости от Турции, впоследствии вошедшее в состав Румынии.

⁸ Поку́ть е (*ист.*) – юго-восточная часть Галиции.

хорошо заплатишь, турок отпустит. Нестор не раз говорил о том, чтобы известить тебя. Он все время надеется на твою помощь! Особенно после того, как услышал, что ты стал кошевым...

– Спасибо, Данило. Ты оказал мне большую услугу.

– Я рад был сослужить тебе службу, Иван... Но слушай дальше: казак Сом принес еще одну важную весть.

– Какую? – Сирко удивленно глянул на старика.

– Ходят слухи, что султан Магомет готовит новый поход на Украину. Разгневался, клятый, что гетман Дорошенко поддался московскому царю и вся Правобережная Украина у турок из рук выскользнула. Думает следующим летом двинуть своих на Чигирин и на Киев...

Сирко подскочил с лавки. Нахмурился.

– Где ты такое слышал, Данило? Это очень важная весть!

– В Валахии и Буджаке⁹ говорят про это... Слухи, конечно... Однако ж дыма без огня не бывает.

– Ты прав... Спасибо тебе еще раз – и за это предостережение, и за новость о брате. Я сделаю все, чтобы вызволить его. Многих чужих вызволял, а за брата жизнь отдам! За деньгами дело не станет! Вот только как это сделать! Не самому же к султану в гости ехать... Хотя погоди... Есть у меня один казак на примете... Молодой, а по-турецки лопочет, как турок...

Сирко позвонил в небольшой серебряный колокольчик, что стоял на столе. Вошел джура.

– Позови Звенигору!

Казак скрылся за дверью.

Сом поднялся с лавки, начал рукой нащупывать свою клюку.

– Да ты сиди, сиди, – мягко усадил его Сирко. – Или не терпится к товариществу?... С кем же ты пришел в Сечь?

– С Яцьком. Это поводырь мой... Сирота... Повстречались с ним возле Каменца в одном селе, – невесело усмехнулся Сом. – Сижу я на бревнах под забором, жую сухую горбушку. Вдруг слышу голос: «Дедушка, дай кусочек хлебца». Я чуть не подавился. Эге, – думаю, – ты еще не нищий, Сом, если нашелся кто-то голоднее и несчастнее тебя! Вытаскиваю из торбы краюшку, спрашиваю: «Ты кто такой есть?» – «Яцько», – отвечает отроческий голос. «Откуда и куда путь держишь?» – «Иду в Запорожье, – говорит. – Убежал от пана». Вот, думаю, сам Бог посылает мне тебя. Казак из тебя не скоро будет, а поводырем и сейчас можешь стать хорошим. «Ну что ж, Яцько, я тоже иду в Запорожье. Присоединяйся ко мне, – говорю. – Ты будешь моими глазами, и пока у меня есть кобза и голос – не пропадем, прокормимся». – «Хорошо, дедушка, – отвечает. – Дай еще кусочек хлебца...» Вот так он и прибился ко мне. А теперь стал как родной...

Сом насторожился и замолк: с крыльца донеслось топанье чьих-то ног.

4

– Челом тебе, кошевой атаман! – поздоровался Звенигора, войдя в светлицу. – Ты звал меня, батько?

– Звал. Проходи.

Сирко внимательно оглядел казака. Его зоркий взгляд уловил перемену во внешности Звенигоры. Заметил он и какое-то беспокойство в его глазах.

– Ты куда-то собрался, Арсен?

– Да, батько, еду в Дубовую Балку. Весть получил – мать тяжело заболела... Проведать хочу.

⁹ Буджак (тур.) – угол, область между устьями Днестра и Дуная, где кочевала Буджакская, или Белгородская, орда.

– Вот как, – сказал задумчиво Сирко. – А я хотел обратиться к тебе с просьбой... С великой просьбой... Теперь и не знаю, говорить ли... У тебя и своих забот хватит.

– Слушаю, батько. Говори...

– Хорошо. Но знай: от моего поручения можешь отказаться, ибо дело очень тонкое, а главное – трудное и опасное. Понимаешь?

– Понимаю, – тихо произнес Звенигора. – Какое же дело?

– Хотел послать тебя к султану в гости – в Турцию. Одного. Тайным послом. А что это значит, знаешь сам. Потому повторяю – ты волен не принимать мое поручение.

– Что там надо сделать?

– Выкупить моего брата... Кобзарь поведал – в неволе он, возле Варны... Однако главное твое задание – разведать, правда ли, что турки готовят нападение на Украину. Слухи об этом есть. А если готовят, то когда, какими силами...

Сирко умолк. Внешне казался спокойным. Но не трудно было заметить, как высоко вздымалась под белым жупаном его грудь. Косой луч солнца прорвался сквозь стеклышко окошка и упал ему на усы. Седые волоски заблестели, словно окропленные слезами...

– Я поеду, батько, – твердо сказал Звенигора.

Сирко стремительно подошел к нему, обнял за плечи.

– Спасибо тебе, сынку! – Кошевой не скрывал, что растроган. – Спасибо! Тогда не теряй времени, ведь и ты торопишься. Навестишь мать, а уж оттуда – в путь... Дело мое не скорое, успеешь... Сом, расскажи казаку, где найти Нестора. А я приготовлю все, что надобно...

Кошевой прошел в соседнюю комнату, служившую ему спальней. Через полчаса появился с небольшим, перевязанным голубой лентой свитком бумаги и широким кожаным поясом – чéресом.

– Это – письмо мурзе Кучук-бею, – протянул свиток. – Хотя мы с ним не раз рубились в бою, в мирное время он радушный и гостеприимный человек. Мурза пропустит тебя через орду и выведет к Дунаю. А в Валахии и в Болгарии ты уже сам себе голова.

– Там я ходил с караванами, дорогу знаю. Да и обычаи тоже... Лишь бы татары не заарканили...

– Кучук-бей не позволит. Он мой должник: я отпустил из плена двух его племянников... Такое не забывают. А этот черес надень на себя под шаровары и береги как зеницу ока! В нем защиты золотые монеты – польские злотые, английские гинеи, испанские дублоны. Думаю, хватит. И для выкупа Нестора, и тебе на дорогу. Пояс старый, незавидный, но, сам понимаешь, цены немалой...

Черес действительно выглядел невзрачно – потертый, обшарпанный, но когда Звенигора взял его в руки, то почувствовал его тяжесть.

– Сколько тебе нужно времени на сборы? Мне хочется, чтобы ты выехал немедленно и чтобы никто не проведал бы о цели твоей поездки. Товарищам скажешь – посылаю тебя с письмом к гетману Самойловичу.

– Чего казаку собираться, – ответил Арсен. – Я уже готов.

– Вот и хорошо. Твой конь – у крыльца.

– Спасибо. Будь здоров, батько кошевой! Будь здоров, кобзарь! К весне ждите меня назад!

– Удачи тебе, Арсен! – Сирко обнял казака и троекратно поцеловал в обе щеки.

Арсен затянул под сорочкой пояс, вышел на крыльцо. Джура уже держал за повод молодого горячего коня. «Омелько увидит – лопнет с досады, – подумал казак, любясь резвым жеребцом. – Еще бы! Лишится такого прибыльного дельца. Денег, вырученных за старую клячу, весной хватило бы купить целый табун!»

Казак быстро сбежал с крыльца, вставил ногу в стремя и лихо вскочил в седло. Застоявшийся конь затанцевал под ним, запрядал ушами.

Чтобы не вдаваться в долгие разговоры с товарищами, Арсен лишь на миг остановился возле компании.

– Прощайте! Кошевой посылает к гетману с письмом. По дороге заверну и в Дубовую Балку!

– Счастья тебе, сынок! – прогудел охмелевший Метелица.

Тут же к Арсену подскочил Омелько:

– А как же с нашим уговором... про коня?

Арсен рассмеялся:

– Прибереги до другого раза. Видишь – уже есть! И твоему – не чета!

– Да он у него до весны подохнет, потому как во рту один зуб остался! – хихикнул Шевчик.

– Смотри сам не подохни, шелудивый пес! – злобно огрызнулся Омелько. – У тебя вон тоже – один зуб!

Арсен, не слезая с коня, еще раз поклонился товариществу и тронул поводья. До ворот его проводили Секач и Товкач. Там друзья расстались. Секач и Товкач поспешили назад, чтобы пропустить еще по ковшу горилки. А Звенигора оглянулся, окинул взглядом широкую площадь, шумливую толпу казаков, низкие мазаные курени и выехал из крепости.

5

Декабрь 1676 года начался для Арсена в дороге.

Первый и второй день миновали без происшествий. Ночевал на хуторах у знакомых казаков. Ехал степью – напрямиком.

Стояла сухая солнечная погода. Морозы ослабели. По утрам холмистая равнина до самого горизонта мерцала сизым инеем, который густо покрывал пушистый ковыль, степной камыш и чахлый колючий бурьян. Днем становилось тепло, иней сходил, и степь сразу чернела, навевая тоску и грусть.

На третий день, в полдень, Арсен увидел впереди темно-серый дым. Он призрачными выюющимися столбами поднимался из-за горы и устремлялся высоко в голубое безоблачное небо.

Арсен подстегнул коня, погнал галопом, пока не выскочил на крутой склон, на котором встал как вкопанный, пораженный неожиданным зрелищем. С холмов сбегал, чернея, голый лес, а внизу, в затишье, отливал желтизной широкий луг. Вдоль ручья взвивались багровые костры: там горел хутор. В небо поднимались бурые столбы дыма. Малиновые языки пламени охватывали приземистые постройки, и над ними дрожало раскаленное марево, пронизанное искрами.

«Татары!..»

Звенигора внимательно посмотрел вокруг. Вон, на другой стороне долины, по узкой ложбине поднимается вверх конный отряд. У казака зоркий взгляд, и он видит фигуры всадников в лисьих малахаях, с луками за спиной. А между ними – пеший ясырь¹⁰: мужчины, женщины, подростки.

Арсен закрипел зубами: проклятые людоловы! Разбой, грабежи и порабощение они сделали своим ремеслом, что приносит им огромные прибыли на невольничьих рынках Крыма и Турции. Будь с ним хотя бы сотня казаков, он не задумываясь бросился бы в погоню, чтобы вызволить людей. А что сделаешь один? Остается только благодарить судьбу, что сам не попал к ним в лапы.

¹⁰ Ясырь (*ист.*) – пленные воины и гражданское население, захваченные в неволю врагом.

Казак спустился в долину и медленно поехал улицей охваченного пламенем хутора. Конь настороженно прядал ушами, косил глазом на трупы стариков и детей.

В одном дворе под грушей внезапно поднялась фигура женщины. Арсен подъехал к ней поближе. Женщина взглянула на него безумными глазами. Возле нее лежали двое детей в белых, залитых кровью рубашонках.

– Ты только приехал, запорожец? Ха-ха-ха! Поздно!.. Михайлика забрали, малюток убили... Видишь?.. А я стала кукушкой – ку-ку, ку-ку!.. Полечу за Михайликом... До самого Крыма проклятого полечу!.. Ку-ку! Спите, мои детоньки, пока вернусь, ку-ку, ку-ку!..

Ее мысли путались. Она припала к детям, застонала, как чайка, забилась в глухом рыдании.

Арсен рванул поводья, ударил коня под бока.

Чем он мог помочь несчастной? Обещать, что казаки отобьют у татар ее Михайлика? Или помочь ей похоронить деток? Да куда там! Она еще долго будет биться над ними смертельно раненой лебедушкой, пока, обессилев, и сама не умрет возле них.

Выехав на холм, Арсен оглянулся на черную от дыма долину и повернул на север.

Чтоб не встретиться с татарским отрядом, взял немного в сторону от знакомой дороги, поехал окольным путем. Вскоре наткнулся на большое село, в конце которого в излучине степной речки стояла небольшая крепость. На свеженасыпанном валу желтел крепкий дубовый частокол. В середине – добротный дом с разукрашенным крыльцом и деревянными сараями, колодец с высоким журавлем.

«Вот это построил кто-то! – подумал Арсен. – За такими стенами можно отсидеться не то что от орды – орда не любит брать крепости приступом, нападает на беззащитные крестьянские дворы, – и от кварцяного¹¹ войска и от янычар¹²!»

Он спустился вниз и остановил коня у колодца. В ветхом, зеленом от мха корыте – прозрачная холодная вода. Конь смаковал ее, цедя сквозь зубы.

По улице проскакали четыре всадника. Передний – в темном жупане из тонкого сукна, с дорогой саблей на боку – показался Звенигоре знакомым. Где-то он уже видел это бледное треугольное лицо с крепко сжатыми губами. Но вот где, припомнить не мог. За ним едва поспевали слуги.

Подошел пожилой крестьянин с деревянными ведрами на коромысле. Издалека скинул шапку перед казаком, поклонился:

– Дай Бог здоровья!

– Будь и ты здоров! – ответил Арсен и показал нагайкой на крепость. – Кто это тут замок построил?

– Нашелся такой, – уклончиво начал крестьянин, но, увидев открытое лицо и доброжелательный взгляд, добавил: – Петро Чернобай... Дорошенковского полковника Якимя сынок... Хотя молодой, а жила! В паны лезет!.. Вот и построил... чужими руками...

«А-а, Чернобай... Так вот кто проскакал только что», – подумал Арсен, его он действительно встречал и раньше.

Два года тому назад Чернобай приезжал на Запорожье с письмом от правобережного гетмана Петра Дорошенко. Чернобай держался высокомерно, и запорожцы пригрозили привязать его к лошадиному хвосту, если он не уберется ко всем чертям из Сечи.

Видя, что горячие головы могут исполнить угрозу, Сирко приказал Арсену с десятком казаков проводить Чернобая в степь и там отпустить на все четыре стороны: посланец все-таки!

¹¹ Кварцяное войско (*ист.*) – наемное войско польских королей в XVI – XVIII вв. Название произошло от стоимости его содержания – четверти (кварця) доходов короля.

¹² Янычары (*тур.*) – отборные привилегированные войска; комплектовались из христиан, забираемых еще детьми в завоеванных странах и обращенных в мусульманство.

– Знаю такого, – сказал казак и, вспомнив опустошенный татарами хутор, добавил: – Однако вы напрасно на него в обиде... В окрестностях рыскают татары, а в крепости можно переждать лихое время.

– Татары? Где? – Крестьянин вздрогнул.

– Камышовку спалили... Я чуть было не наткнулся на их чамбул¹³. Всех увели в неволю. А младенцев и стариков перебили...

Крестьянин изменился в лице.

– Спасибо, казак, за весть! Побегу... Надо тревогу поднять...

Он бросил ведра на землю и быстро побежал в крепость.

Напоив коня, Арсен выскочил из села в степь. Гнал коня изо всех сил, не жалея. Было бы глупо попасть в руки татарам в самом начале пути. С жеребца слетала желтая пена, он тяжело дышал.

Стал придерживать коня лишь после того, как въехал в лес. Узкой тропинкой взобрался на холм и остановился.

Вечерело.

На голой вершине, открытой всем ветрам, стояла старая, почерневшая от времени и непогоды мельница с обломанными крыльями. Вокруг ни души. Даже дорога и тропинки, вившиеся к ней по лесу, позарастили бурьяном и кустарником. Видно, давно уже не привозили сюда зерна для помола, давно отгрохотали и остановились каменные жернова.

Арсен привязал коня к обгрызенной коновязи, а сам, вытянув занемевшие ноги, сел на дубовую колоду, прислонился спиной к стене ветряка и закрыл глаза. Почувствовал, как усталость сковывает тело, задремал.

Вдруг в вечерней тишине послышалось какое-то шуршание и тихие вздохи. Арсен вскочил и оглянулся... Что за чертовщина! Нигде никого! Неужели притаился кто на мельнице? Или ему почудилось?

Он притих, прижавшись ухом к холодным замшелым доскам. И снова послышался шорох. Потом тихий жалобный стон. Словно кто-то беззвучно плакал. Арсен вскочил на ноги и кинулся к дверям. Они были закрыты железной цепью и приперты крепким дубовым колом.

«Странно, – подумал казак, вытаскивая из трухлявого дерева скобу, – кому понадобилось запирать это старье?»

Дверь со скрипом открылась.

– Кто здесь? – спросил, входя внутрь.

В ответ – тишина и темнота. Шагнул несколько шагов дальше, и серый вечерний свет, вырвавшись из-за его спины, упал на утопанный тысячами ног пол и косматую внутренность ветряка: короб для муки, жернов, узкие ступеньки, ведущие куда-то вверх, опутанные паутиной балки.

– Кто здесь? – снова спросил казак, всматриваясь во что-то темное у противоположной стены.

Оттуда послышался приглушенный стон. Темная груда зашевелилась. Удивленный Арсен приблизился и чуть не вскрикнул от неожиданности: на полу лежали три девушки. Руки и ноги связаны веревками, во рту – тряпки. Все трое дрожали от холода, хотя одеты были хорошо.

– Кто вы? Как очутились здесь? – Арсен вытащил кляпы, разрезал саблей веревки.

Перепуганные, окоченевшие девушки еле поднялись на ноги. Но, пройдя несколько шагов, в изнеможении присели, с тревогой и недоверием поглядывая на незнакомца.

Девушки были очень красивые. Даже в сумерках Арсен заметил это и начал догадываться, какая судьба забросила их в эту старую мельницу.

¹³ Чамбул (*татар.*) – конный отряд.

Девушки трепетали, как вишенки в грозу.

– Откуда ты? – обратился к русокозой, что сидела поближе.

– Из Чигирина, – тихо ответила девушка. – Поповна я... Меня из дома выкрали какие-то неизвестные...

– А вы? – Арсен посмотрел на двух чернявых.

– Мы сестры... Из Корсуня... Нас схватили в дороге, когда мы возвращались с братом из Черкасс, где живет наша тетка... Брата убили, а нас вот завезли неведомо куда... И не знаем, что нас ждет...

– Не трудно догадаться, – тихо пробормотал Арсен. – Вас хотят продать в гарем... Какие-то мерзавцы связались с татарами и торгуют живым товаром!

Девушки залились слезами. Сестры обнялись, а русоголовая протянула руки к Арсену:

– Отпусти нас! Спаси, добрый человек!

– Я вас развязал не для того, чтобы держать. Бегите отсюда, да побыстрее!

Девушки снова вскочили на ноги. Однако счастье их было слишком коротким, они не успели даже во двор выбежать. За стеной послышался стук копыт – у мельницы остановились три всадника. Увидев коня и открытые двери, они спрыгнули на землю и стремглав бросились к мельнице, на бегу вытаскивая сабли.

Девичий крик прорезал вечернюю тишину. Арсен выхватил из ножен саблю, стал в дверях. Несмотря на густые сумерки, он опознал в одном из тех, кто бежал к ветряку, Чернобая.

Так вот чьих рук это гнусное дело! Бывший служака Дорошенко, потеряв господина, который вынужден был сдаться на милость царя и гетмана Самойловича, теперь стал настоящим разбойником!

– Стойте! – крикнул Арсен. – Если вы приехали за девушками, то ничего не выйдет! Не возьмете! Я не позволю ими торговать! Разве что переступите через мой труп!

– И переступим! – крикнул Чернобай и скрестил со Звенигорой сабли.

«Скверное дело: я один, а их трое, – подумал Арсен, отбивая первый выпад Чернобая. – Совсем скверное... Вот если судьба поможет мне одолеть Чернобая, холопы сами удержат отсюда».

Он стоял на ступеньках, на голову выше противника. Лязг и скрежет сабель разносились в тихом морозном лесу. Сильная и ловкая рука уверенно отбивала короткие, но опасные выпады Чернобая. За спиной слышались перепуганные крики и плач девушек.

Под натиском Звенигоры Чернобай немного отступил. Его хищное лицо с тонким длинным носом и закушенной губой застыло от напряжения и походило сейчас на маску, из груди порой вырывался натужный хрип. Чернобай, видно, смекнул, что перед ним искусный боец, и сотнику стало душно. Лево́й рукой он рванул ворот кунтуша.

– Жарко стало, Чернобай? Подожди, станет еще и холодно! – насмешливо промолвил Арсен, зная, как насмешка выводит противника из равновесия.

– Ты знаешь меня? – воскликнул удивленный Чернобай.

– А почему бы и нет? Такого видного казака да не знать! – издевался Арсен, не спуская глаз с сабли противника. – Запорожцы помнят, как ты приезжал в Сечь от Дорошенко. Жаль, что не снесли тогда твоей головы – не торговал бы теперь нашими девушками!..

Лицо Чернобая перекошилось, смертельно побледнело.

– Хлопцы! – прохрипел он.

Что-то просвистело в воздухе. Арсен не успел отклониться, и тугая петля сдавила ему горло. Он хотел перерубить аркан саблей, но сильный толчок свалил его наземь. Парни вырвали, саблю из руки, наставили пистолеты. Сзади послышался отчаянный девичий крик.

Тяжело дыша, Чернобай наклонился и прошипел в лицо:

– Ну, собака, попался? Теперь мы поговорим иначе!

Они смотрели в глаза друг другу. Чернобай злорадно кривил в усмешке тонкие губы. На его бескровном лице застыло выражение жестокой радости.

Арсену стало страшно: Чернобай ни за что не оставит в живых свидетеля своего мерзкого преступления. И никто не узнает, куда девался казак, что с ним произошло. Напрасно будет выглядывать его больная мать из окошка хаты в далекой Дубовой Балке, напрасно будет ждать известий кошевой Иван Сирко...

А Чернобай, словно читая его мысли, цедил сквозь зубы слова, которые терзали сердце, как грязные когти рану.

– Мальчишка! Кому ты вздумал стать поперек дороги? Ха-ха-ха! Чернобаю! – Он говорил о себе в третьем лице. – Надо быть последним дурнем, чтобы решиться на такое! Я вижу, ты уже каешься. Тебе не хочется умирать. Еще бы! Ты теперь понял, что за ошибку – стать на пути Чернобая – ты заплатишься своей дурной головой! Ты ведь уже жалеешь, что вступился за тех пташек! – Он кивнул головой на ветряк, где один из парней снова связывал девушек. – Тебя мучает мысль, что никто никогда не узнает о твоей смерти... И не узнает! Ты скоро отправишься на тот свет!.. С моей помощью, конечно!.. Ха-ха-ха!..

Арсен вздрогнул от этого хриплого смеха, как от прикосновения гадюки. Понимая, что терять уже нечего, он внезапно рванулся и ударил врага ногами в живот. Чернобай вскрикнул и кубарем покатился по земле.

Его слуги кинулись на казака. Один рукояткой пистолета с размаха ударил по голове, другой, бросив девчат, навалился всем телом, заломил назад руки.

– Не убивайте! – крикнул, корчась от боли, Чернобай. – Я сам!

Парень помог ему подняться. Согнувшись и держась за живот, он медленно подошел к Арсену, выхватил из ножен короткий татарский кинжал. Перекошенное от боли и злости лицо посинело, как у мертвеца, оскалилось неестественно дикой гримасой.

«Куда ударит? В сердце? В живот? Или перережет горло?» – мелькнула в голове казака мысль.

Почему-то совсем исчез страх. словно не о его жизни шла речь. Тело казалось чужим, деревянным. Только снова в мозгу, как молния, мелькнула мысль: «А поездка в Турцию? Что подумает Сирко? Ведь он никогда не узнает, что со мной случилось... А мать? Бедная моя!..»

Но Чернобай не ударил. Подержав кинжал в руке, скользнул взглядом по кустарнику и крикнул парням:

– Хлопцы, мигом очистите ровенький граб и хорошенько заострите – посадим эту стерву на кол! Да живо мне!

Парни выхватили сабли и побежали к лесу.

Но тут со склона донесся резкий свист. Потом повторился. Видимо, кто-то подавал сигнал тревоги...

– Назад! – крикнул Чернобай, и холопы подбежали к нему. – Бросьте его на коня! Возьмем с собой. Сейчас некогда. Но, клянусь пеклом: он у меня еще сегодня будет корчиться на колу!

Сопя и ругаясь, парни подхватили Арсена, взвалили на коня, арканом связали ноги, крепко приторочили к седлу. Потом то же самое проделали с девушками.

Подъехал всадник.

– Что там? – тихо спросил Чернобай.

– Кто-то едет по склону вверх...

– А, черт! Заткните ему рот, а то, не ровен час, начнет кричать.

Арсену всунули в рот шершавый вонючий кляп. Дышать стало тяжело. От удара пистолетом гудела голова.

– Ну, айда! – Чернобай вскочил на коня. – Митрофан, береги мне его как зеницу ока. В случае опасности нож под ребро. Чтоб и не пикнул!

Отряд рысью выехал на лесную дорожку, петлявшую меж голых деревьев. Никто не разговаривал, только глухо топали копыта.

Вскоре началась степь. Густые сумерки окутывали землю. Луна еще не взошла, и холодное зимнее небо серым колпаком опускалось сверху.

У Арсена затекли связанные ноги и руки. Вонючая тряпка не давала дышать. Он старался вытолкнуть ее изо рта языком, но только наглотался шерсти.

Дороге, казалось, не будет конца. Около полуночи остановились в редком кустарнике. Чернобай пропал в темноте и вскоре возвратился в сопровождении всадника, в котором по разговору не трудно было узнать татарина.

– Езжайте за нами, – приказал Чернобай холопам, а сам с татаринцем поехал впереди.

Они спустились в глубокий овраг, где горел костер. По склонам паслись стреноженные кони. На холодной заснеженной земле сидели и лежали люди – захваченные в полон мужчины, женщины, подростки. Возле них с обнаженными кривыми саблями ходили татары – часовые.

Заметив прибывших, от костра поднялся коренастый, с рябым лицом татарин. Радостно ощерился. Чернобай пожал ему руку и по-приятельски улыбнулся.

– Али, давай смотри товар, у меня времени мало. – С этими словами он кивнул парням, чтобы сняли с коней девушек. Бледные от страха и переживаний, они испуганно смотрели на татарина, который зацокал языком и расплылся в радостной улыбке.

– Ай-вай! Якши! Дуже допре! – путал он татарские и украинские слова. – Якши ханум!¹⁴ Ага¹⁵ знает толк! Недаром моя делал такой опасный поход. Будет с чем явиться в Кафу!¹⁶

Он подошел к девушкам, грязными пальцами поднимал их подбородки и, цокая языком, заглядывал в глаза. Несчастные онемели от страха, вздрагивали от омерзения, но Али не обращал на это никакого внимания. Его провонявшие конским потом и бараньим салом руки быстро ощупали тугие девичьи груди, руки, бедра.

– Ай-вай! Якши ханум, – удовлетворенно повторял он. – Спасибо, моя торогой труже, спасибо, ага Петро!

– Товар для ханского гарема, – сказал Чернобай. – Плати деньги, Али!

Покрытое оспинами лицо татарина сразу стало суровым, непроницаемым. Глаза сузились.

– Сколько?

– По полторы тысячи цехинов!¹⁷

Али проглотил слюну, словно подавился. Вытаращил глаза.

– Ай-вай. Ты с ума сходил, труже!.. Пятьсот!

Чернобай отрицательно покачал головой.

– Шестьсот. – Али облизал языком пересохшие на морозе губы.

– Ты выручишь по три тысячи, Али. Я знаю. Таких девчат еще никогда не продавали ни в Кафе, ни в самом Стамбуле. Они стоят больше, чем все твои невольники. – Чернобай скосил глаза в ту сторону, где ясырь. – Мне они тоже не даром достались...

– Знаю, каждый охотник, выходя на охоту, рискует... Но денег ты за них не платил?

– Не стоила б овчинка выделки... Так какое твое последнее слово?

– Восемьсот – и ни цехина больше!

– Ладно, идет, – согласился Чернобай. – Но в случае опасности... сам понимаешь, они должны навек замолкнуть. Я рискую головой!

¹⁴ Якши ханум (*татар.*) – красивая женщина.

¹⁵ Ага (*тур.*) – господин, хозяин, начальник.

¹⁶ Кафа (*ист.*) – Феодосия.

¹⁷ Цехин (*итал.*) – старинная венецианская золотая монета.

– Зачем такая разговор! – обиделся Али. – Не маленькая я, знаю. Удар саблей – башка с плечей!

Из-под полы засаленного тулупа достал кошелек, отсчитал деньги, потом кивнул на Звенигору:

– А эта батыр за сколько?

– Этот не продается, – сердито ответил Чернобай.

– Жаль. Видно, крепкая казак. Дуже допре гребца могла стать на каторга¹⁸. Бакшиш за него дала бы большой! Может, продашь?

Чернобаевы парни переглянулись. Один из них крякнул, очевидно желая что-то сказать. Но Чернобай поспешно отрезал:

– Нет, он мне самому нужен. Прощай, мурза. Наш договор остается в силе?

– Конечно. Моя думает, будут еще на Украине красивые девчата? – Али хихикнул. – Прощай, ага Петро! Пусть бережет тебя Аллах!

Чернобай вскочил на коня, еще раз махнул рукой, прощаясь с Али, и небольшой отряд из пяти всадников нырнул в темноту.

6

Промерзшая земля звонко гудела под копытами коней. Шелестел колючий обледеневший бурьян. Щербатая луна раскачивалась посреди неба, словно пьяная, и, казалось, вот-вот сорвется и шархнет лысиной о крутой холм. И тогда настанет тьма.

Арсен понимал, что не луна качается, а он сам колышется в седле. Тело совсем занемело. Туго связанные руки и ноги затекли, он перестал их чувствовать. Жесткий кляп ободрал ему и язык и рот, приходилось глотать собственную солонатоватую кровь. Нестерпимо хотелось пить.

Его везли на смерть. Он знал об этом. Но где произойдет казнь и какую лютую смерть придумал Чернобай, его уже не интересовало. Лишь бы скорее все кончилось...

У высокого кургана, видневшегося на фоне синего неба, Чернобай остановился.

– Митрофан, на вершине много камней... Пойди принеси каменюку для этого байстрюка. Да не мешкай! – Парень бросился к кургану, а Чернобай обратился к Арсену: – Только не думай, чертово отродье, что мы тебя утопим. Нет, голубчик, это была бы слишком легкая смерть для такого... Мы посадим тебя на кол и подождем, пока он вылезет у тебя через горло... Вот какой смертью помрешь, голубчик!.. Зато и на том свете закажешь всем за тридцать земель обходить Чернобая!.. А потом привяжем тебе на шею камень и кинем в озеро, на корм карасям. Чтоб и следов не осталось!.. Ну как? Нравится?.. Нет?.. То-то же!

Он говорил бы и дольше, так как картины предстоящих мук врага доставляли ему удовольствие, но парень вернулся с камнем, и отряд тронулся дальше.

Через час они выехали на торную дорогу.

– Скоро озеро, хлопцы, – сказал Чернобай. – Еще верст пять...

Вдруг он умолк и начал прислушиваться.

– Вы ничего не слышите?

Все остановились.

– Будто всадник скачет, – неуверенно произнес долговязый Митрофан.

– Не будто, а и впрямь всадник, – подтвердил другой парень, в белом башлыке. – О-о, слышите? Приближается сюда... Кажись, один.

Вдалеке слышался звонкий топот – конь мчался галопом.

– Кто-то спешит в Чернобаевку, – сказал Чернобай и обратился к тому, кто в башлыке: – Хорь, отъезжай с этим за кусты, а мы тут подождем – узнаем, кто скачет...

¹⁸ Каторга (уст.) – галера, гребное многовесельное судно.

Хорь дернул коня под Арсеном и остановился тут же, за кустом.

Топот приближался. Вот показалась темная фигура всадника – он мчался во весь опор. В мертвой тишине ночной степи громко звенела мерзлая дорога.

Заметив на дороге незнакомцев, всадник осадил коня.

– Кто такие? – выдохнул тревожно.

– А ты кто? И куда направляешься? – в свою очередь спросил Чернобай.

– Я еду в Чернобаевку.

– К кому?

– К Петру Чернобаю.

– Я и есть Петру Чернобай. Что случилось? Почему такая спешка? Подъезжай сюда!

Всадник подъехал поближе, пристально вглядываясь в незнакомцев, готовый при малейшей опасности повернуть коня назад.

Но вот Чернобай поднял голову, и луна осветила его лицо. Из груди всадника вырвался облегченный вздох.

– Ф-фу, так и есть – хозяин! – Он подстегнул коня и приблизился вплотную: – Я от полковника...

– Что с отцом? – вскинулся Чернобай. – Ему хуже?

– Помирают... Просили, чтоб вы немедля прибыли к нему. Едем!.. Дорога каждая минута!

– Матерь Божья! – вскрикнул Чернобай. – Успеем ли? У меня конь совсем загнан...

– Авось еще поспеем. Однако мешкать нельзя!

– Едем! Герасим, ты со мной! А ты, Митрофан, с Хорем... – Он что-то шепнул ему на ухо и с места послал коня вскачь.

Герасим и посланец погнали коней за ним. Хорь, ведя на поводу коня Звенигоры, выехал на дорогу и спросил:

– Что он сказал, Митрофан?

– Чтобы мы сами сделали с этим все, что надо.

– Черта лысого! Мне надоело таскаться по степи! Было бы хоть за что... Чернобай положил в карман полный кошель денег, а нам – кукиш с маком!.. Вернемся домой – не на что будет и горло промочить.

– Так что ты надумал? – с расстановкой спросил Митрофан. – Порешить запорожца тут и не тащиться к озеру?.. По мне, можно и так. Чернобаю хотелось помучить его, а нам это ни к чему. Пускай легкой смертью помрет!

– Ну и бестолковый ты, Митрофан, – пробурчал Хорь, поднимаясь на стременах, чтобы хоть немного сравняться с высоким, как жердь, товарищем. – Тебе все разжуй да в рот положи!.. Я клоню к тому, что Чернобай за девчат не даст нам и злого. А нам бы неплохо иметь с этой канители какую-нибудь выгоду...

– И какую такую выгоду? – вытаращил глаза парень.

– Давай догоним Али, – быстро зашептал Хорь, – продадим ему этого казака! Ты же слышал – он сам хотел его купить. Как ты думаешь, сколько он даст за него?

– Ты что – сдурел? – испуганно отшатнулся Митрофан. – Чернобай проведает – головы поснямет! У него разговор короткий!

– А откуда он узнает? Нешто сами разболтаем?.. Скажем: как, мол, велел... посадили на кол, а потом камень на шею и бросили в воду. Пусть нырнет в озеро, поищет... Попросим Али, чтобы тоже молчал, а этого парня продал куда подальше, за море.

Митрофан заколебался, что-то соображая своим тяжеловесным умом.

– Ну, чего тут долго думать? – не успокаивался Хорь. – Татарин даст за него не меньше ста цехинов. Положим в карман по полсотне. Или у тебя их и так много?

– Кой черт! Даже пива не на что выпить. Шинкарю задолжал... полцехина.

– А так враз разбогатеешь! Али заплатит – не первый раз с ним дело имеем... Едем, пока не рассвело. Если татары снимутся, ищи тогда ветра в поле!

Митрофан почесал затылок.

– Страшновато, правда...

Это означало согласие. Нетвердое, неуверенное. Но Хорю большего и не требовалось. Он быстро развернул коней и погнал обратно.

...Али долго не торговался. Пощупав мышцы Арсена, он понял, что перед ним наилучший товар, и сразу же заплатил деньги. Окоченевшего казака сняли с коня и привязали к другим невольникам.

7

Потянулись долгие дни изнурительного перехода. Ногайцы нападали и брали ясырь чаще всего поздней осенью, а то и зимой, когда замерзали реки. За многие десятилетия путь в Крым был усеян костями несчастных, скошенных простудой и истощением, саблями и стрелами людоловов.

Али – опытный людолов. Он знал потайные тропы, на которых редко встречались казачьи дозоры, и всегда удачно выводил с Украины перегруженный добычей свой чамбул. Но и он боялся внезапного нападения казаков, поэтому, ничуть не жалея невольников, плетью и саблей гнал их без отдыха по пятнадцать часов в сутки. Тем, кто заболел, до крови сбивал или отмораживал ноги, Али без раздумий сносил головы.

Пленников гнали пешком. Только молодых красивых девушек, предназначенных для гаремов, везли на лошадях: то был ценный товар. Пожилых женщин и детей не связывали. Зато за мужчинами следили строго: по десяткам привязывали к седлам и тянули, как скот.

Арсен в своей десятке шел первым; руки связаны за спиной сыромятным ремнем, длинный крепкий аркан вокруг пояса неумолимо тянул все вперед и вперед – в Крым, в неволю, на смерть.

На второй день, когда отряд поспешно, чтоб не заметила издалека казачья стража, переваливал через высокий холм, впереди встревоженно зашумели голоса.

У Звенигоры радостно екнуло сердце. Неужели запорожцы?

Он поспешно стал оглядываться вокруг, надеясь увидеть рассыпанный строй всадников. Но всюду только безлюдная даль. Отчего же заволновались татары? Что их встревожило?

Вот от чамбула отделились пять всадников и галопом понеслись в долину. Испуганно вспорхнула из бурьяна тяжелая стая сытых дроф.

Арсен посмотрел в ту сторону, куда помчались всадники, и у него сжалось сердце. На противоположном склоне долины шли два путника. Что-то очень знакомое было в нечетких контурах их фигур. Кто они? Где он их видел?

Тем временем всадники скрылись в долине. Путники остановились, должно быть, заметили татар. Потом торопливо полезли вверх. Напрасные усилия! Разве убежишь от быстроногих татарских коней? Разве спрячешься от зоркого глаза людолова в этой голой, безлесной степи?

Вот один оглянулся, бросил своего товарища и быстро помчался вперед. Задний остановился. Некоторое время стоял неподвижно, будто прислушиваясь к чему-то, а потом, вытянув вперед руки, тоже побежал. Но бежал он как-то неуверенно, неуклюже, спотыкался, падал и все время забирал влево.

«Слепой! – ужаснулся Звенигора. Сразу вспомнил кобзаря Сомы и его поводыря Яцька. – И занесло же несчастных! В самые лапы степных хищников!»

Их привели, когда отряд пленных спустился в долину.

Яцько плакал и испуганно оглядывался, как затравленный зверек. Сом держался спокойно. Его поставили перед Али. Старик поднял седую голову – шапку он где-то потерял – и уставился на татарина страшными дырами, в которых когда-то были глаза.

Али презрительно улыбался.

– Мальчишку привяжите! Да покрепче! Пряткий щенок, еще убежит по дороге... А старика... старика отпустите. Не вести же нам его в Крым!.. Эй, старик, иди себе прочь! Слышишь?

– Спасибо тебе, – глухо промолвил Сом и шагнул неуверенно вперед.

Но в это время, вырываясь из цепких рук татарина, закричал Яцько:

– Дедушка! Дедушка! Куда же ты? А я?..

Услыхав голос Яцька, кобзарь остановился и нащупал рукой тулуп мурзы.

– Отпусти мальчонку, добрый человек, и Аллах не обойдет тебя своей милостью. Он мал еще... Сирота. Ты немного зарабатываешь на нем. Не бери греха на душу! – умолял он.

– Иди! Иди прочь, гяур! – заверещал Али и ударил старика нагайкой по голове.

Сом схватился за окровавленный лоб и рванулся в сторону. Его длинные тонкие ноги путались в бурьяне как ходули. Торба отлетала, била по спине. Глухо стонала кобза.

Али схватил лук. Наложил стрелу.

– Деда! Они хотят убить тебя! Беги быстрее! – закричал Яцько.

Али натянул тетиву. Послышался резкий короткий свист черной стрелы. Кобзарь споткнулся, взмахнул руками и упал лицом в бурьян.

Татары загоготали. Один из них вытащил саблю, кинулся было к старику, чтобы прикончить, однако мурза остановил:

– Сдохнет и так! Я хорошо попал!

Он подъехал, нагнулся и выдернул стрелу из спины.

– Вонючий пес! Разбойник! Зачем убил дедуся? Что он тебе сделал? А-а-а!.. – закричал Яцько.

Али оскалил зубы. В его узких глазах черным пламенем сверкнул гнев. Широкое скуластое лицо исказилось недоброй усмешкой. Он рванул коня, зло хлестнул Яцька нагайкой. Паренек перестал кричать, втянул голову в плечи.

– Беги сюда! – крикнул Арсен.

Яцько проворно шмыгнул в толпу пленников. Те сомкнули ряд.

Али придержал коня, мерзко выругался.

– Гяур! Собака! – прошипел, отъезжая и давая знак передним трогаться.

Засвистели нагайки, зазвучали резкие гортанные выкрики. После вынужденной остановки татары еще быстрее погнали пленных.

Яцько, дрожа всем телом, прижался к Арсену. Испуганно глядели светло-голубые глаза из-под белесых волос, нависавших на лоб.

– Куда вас понесло, несчастных? – участливо спросил казак. – Сидели бы себе в Сечи!

– Дед Сом хотел проведать родных, – всхлипнул мальчик. – Где-то недалеко здесь живут... Вот и доходились! Дед Богу душу отдал, а меня, как курчонка, схватили татары... У-у-у!..

Мальчик снова заплакал. Арсен пытался утешить, отвлечь его мысли. Куда там! У самого в горле стоял горький ком, а на сердце давила ужасная тяжесть.

...Перекоп проходили под вечер. Огромное холодное солнце катилось над равниной и кровавым светом заливало узкий перешеек. Крым! По-татарски – Кырым¹⁹.

Арсену уже приходилось здесь бывать во время похода Сирко в Крым, и он знал, что место это называлось «Дорогой слез», «Воротами слез»; где бы людоловы ни взяли ясырь

¹⁹ Кырым (татар.) – перекоп.

– на Правобережье или Левобережье, на Слобожанщине²⁰ или в Галиции, на Дону или под Москвою, – они обязательно проводили его через Перекоп. Ханская стража и мубаширы²¹, постоянно находившиеся в Перекопской крепости, брали за каждого пленника ясак – налог в казну. Здесь чамбулы разделялись на небольшие отряды, которые растекались отсюда по всему Крыму. Здесь делили ясырь, разлучая мужей с женами, детей с родителями, братьев с сестрами.

Пока пленники шли по родной земле, они еще не сознавали полностью всей глубины своего несчастья, надеялись то на побег в дороге, то на неожиданное нападение казаков, то – невесть на что. Здесь теряли последнюю надежду: впереди лежала чужая страшная земля, которая, словно чудовище, пожирала ежегодно десятки тысяч людей и почти никого не возвращала обратно.

Из уст в уста передавалось одно только короткое жуткое слово: «Крым!» Задрожали даже мужские сердца. Пленники оглядывались назад, где в серой мгlistой дали таяли родные степи, и на глаза им набегали слезы. Заголосили женщины, завизжали дети. Мужчины плакали молча. Слезы падали на сухую, истоптанную множеством ног землю, которая в течение столетий стала бесплодным солончаком. Только горькая рапа порою выступала на ней да росла удушливо-едкая полынь.

Никогда не думал Арсен, что и ему доведется идти по этой проклятой дороге в неволю. А вот довелось! Связанным, грязным, измученным рабом...

После Перекопа еще целый день шли перешейком, и только под вечер Али остановил отряд на берегу большого неприветливого озера с затхлою мертвой водой. Здесь он дал знак делить ясырь.

Поднялся страшный крик. Татары соскочили с коней и начали выстраивать рядами отдельно мужчин, женщин, детей. В лохматых коротких кожухах шерстью наружу, в бараньих и лисьих шапках-малахаях, в несурзных башмаках из телячьей и лошадиной кожи, крымчаки походили на стаю волков, которые накинулись терзать свою беззащитную добычу.

Когда всех пленников выстроили, Али первым отобрал свою долю. Он еще в дороге при-смотрелся к невольникам и взял себе самых сильных мужчин и молодых миловидных женщин. Два воина неотступно стерегли трех пленниц-красавиц и Арсена. В долю Али попал и Яцько.

Арсен обнял мальчонку, вздрагивавшего от плача. Хотел хоть как-то успокоить его и снова не смог. Что-то до боли терпкое петлей перехватило горло. Сдерживался, чтоб и самому не пустить слезу. Яцько прижался к груди казака, притих.

На солонцеватой равнине волновалось, рыдало, билось в отчаянии и боли человеческое горе. Женщины цеплялись за мужей, вырывали из рук захватчиков своих детей. Дети тянулись к матерям, умоляли взять их с собой, вопили. Мужчины пытались порвать веревки и сырмятные ремни, напирала на татар и тут же откатывались назад под свирепыми ударами плетей, от которых лопалась кожа. Плач, крики, стоны, проклятья смешались с руганью и угрозами. Тревожно ржали испуганные кони.

Но худшее было еще впереди.

Когда мурза Али отделил свой ясырь, воины, тесня друг друга, начали выхватывать из рядов более сильных пленников и самых молодых пленниц. Началась такая свалка, что Али, подняв саблю, с криком бросился утихомиривать озверевших соплеменников.

– Остановитесь, дети шайтана! Закрой рот, Шариф, а не то я заткну его саблей! Всем достанется, шайтан бы вас забрал! – кричал он, бегая от группы к группе.

Его глаза дико блестели. Из-под рыжего малахая пылало гневом жирное, в черных оспинах лицо.

²⁰ Слобожанщина (*ист.*) – северо-восточная часть Украины, которую заселяли беглые казаки и ремесленники, не платившие податей.

²¹ Мубаширы (*татар.*) – чиновники, сборщики подати, которые отбирали десятую часть добычи в пользу ханской казны.

К воплям невольников добавилась ругань разбойников, готовых перегрызть друг другу горло.

– Отойди, мурза! Ты свое получил и не лезь к нам! – кричал великан Шариф, неся в охапке молоденькую русоволосую девочку, дико визжавшую и судорожно отбивавшуюся ногами. – Лучше отойди! Говорю по-хорошему!

Он бросил девчужку на землю, наступил на нее ногой и вытащил длинную кривую саблю, всем своим видом показывая мурзе, что готов отстаивать добычу силой.

Али остановился, убирая саблю.

– Тьфу, проклятые собаки! Чтоб вас шайтан забрал! Делите сами, хоть с ума посходите!..

Он повернулся и отошел к своей группе, не обращая внимания на гвалт и дикие вопли, раздававшиеся сзади.

А там разгорелся спор между двумя разбойниками из-за подростка, мальчика лет двенадцати. Они чуть было не разорвали его, таща в разные стороны. Мальчик кричал, упирался и, не имея сил освободиться, впился зубами в руку татарина. Тот взвыл от боли, затопал ногами, выронив свою ношу, схватил саблю и одним махом снес мальчику голову.

– Ха-ха-ха! Забирай его теперь себе! – крикнул убийца отскочившему в сторону сопернику.

Но тот только оскалил зубы в ухмылке, довольный тем, что мальчик никому не достался.

Не желая вмешиваться в распри своих людей, мурза вскочил на коня и приказал трогаться. Несколько его ближайших родственников, получив свою часть добычи, присоединились к нему.

Уменьшившийся почти наполовину чамбул быстро оставил берег озера и помчался сухой степью на юг, в сторону Кафы. Людоловы почувствовали себя здесь в безопасности, и пленников развязали. Куда убежишь? Вокруг – чужая земля, море!

Шли быстро. Останавливались только на ночлег да на обед. Татары ели сырую конину, нарезанную тонкими ломтиками и разопревшую под войлочным чепраком на спине коня. Ту же пищу бросали и пленным. Арсен сначала отворачивался от нее, но нестерпимый голод заставил есть. Закрыв глаза, грыз сырое, в красной пене мясо, запивал из канав, изредка встречавшихся на пути, горьковатой мутной водой.

Только на седьмой день пути с горы открылось бескрайнее море и показался большой город с высокими стройными башнями минаретов. Али остановил отряд, снял с шеи пештимал²², разостлал его на земле, опустил на колени, – долго молился, благодаря Аллаха за счастливый поход на неверных.

Кафа встретила их шумом приморского рынка, запахом рыбы и жареной баранины.

Али погнал свой живой товар в караван-сарай. На следующий день бойкие горластые цирюльники-греки постригли и побрили мужчин, а слуги принесли на деревянных подносах вареную баранину, густо приправленную перцем. Теперь Али не скупился на еду: сытый, неизможденный раб ценился на рынке значительно дороже. Женщин он приберегал на будущее. Их еще нужно подкормить, принарядить, а некоторых и заново одеть, особенно пленниц Чернобая. Перед тем как вести на базар, цирюльники натрут их маслом и пахучими травами, подравниют брови, положат под глазами легкую голубоватую тень.

Али хорошо знал, как продавать товар для гаремов, и надеялся получить солидный барыш. Сегодня же вывел только мужчин и подростков.

Широкая базарная площадь на берегу залива была вся запружена народом. Шумная пестрая толпа прибрежных и степных татар, греков, турок, венецианцев, караимов, абхазцев бурлила, гоготала, куда-то спешила, что-то покупала и продавала.

²² Пештимал (татар.) – шарф.

Горный хребет защищал город от холодных северных ветров, и, несмотря на то, что стоял декабрь, здесь было тепло и тихо.

Вся левая сторона базара – невольничья. От города ее отделяла высокая каменная стена, выложенная из ноздреватого белого известняка. Вдоль стены в землю вбиты кольца. К ним привязывали невольников.

Живого товара было немного, и довольный Али подметил, как за его обозом ринулась гурьба покупателей.

Расторопные слуги быстро попривязывали мужчин к столбам. Они старались: мурза пообещал каждому хороший бакшиш – вознаграждение.

Арсен стоял крайним. Его соседом слева оказался плотный бородатый мужик. Несмотря на зимнюю пору, он был до пояса голый и зябко кутался в сермягу, наброшенную на плечи. Из-под пшеничной копны взъерошенного чуба выглядывали огромные голубые глаза.

– Греемся, батько? – невесело спросил Арсен.

– Греемся, сынок, – усмехнулся бородач, сверкнув белыми крепкими зубами. – А с чего ты меня величаешь батькой? Разве я старше тебя?

– Да как тут узнаешь, – ответил казак. – У нас на Запорожье даже деды бреют бороды. А ты, я вижу, русак?.. Откуда, брат?

– Донской казак я. У нас борода – дело обычное.

– Тогда мы действительно братья. От Дона до Запорожья – рукой подать.

– Давно с Украины?

– Две недели. Все время были в дороге.

– Я тоже. В Кафу пригнали только вчера. А куда дальше погонят, кто знает... Видишь, эвон откормленный турок прется? Чего доброго, купит и загонит в Туретчину! А оттуда не то что убежать – даже и думать о доме нечего!.. Нет, лучше б сразу погибнуть, чем мучиться на их каторге гребцом или подыхать рабом на каменоломнях Египта!

– Не каркай, друже, не накликай беду, она сама нас найдет.

Дончак угрюмо улыбнулся.

– Э-э, видать, кто-то раньше накаркал. Какая еще беда может быть горше? – Он приподнял свои связанные руки. – Нет ничего хуже татарской или турецкой неволи!

– Всякая неволя одна другой злее, чтоб ее век не видать! – сказал Арсен и добавил: – Гляди, купец сюда направляется... Заприметил, старый коршун, где добычей пахнет!

К ним приближался богато одетый толстый турок в тюрбане. За ним степенно выступали два дюжих телохранителя.

Хозяин донского казака и мурза Али стали издали кланяться богатому покупателю, наперебой зазывая к себе.

– Ага, прошу сюда! – воскликнул Али. – У меня все невольники – как дубы! Каждый за двоих отработает! Отдам дешево! Вот пощупайте мускулы этого запорожца – они как из железа! Не обходи мой товар, высокочтимый ага, такого больше ни у кого в Кафе не найдешь!

– Посмотри, эфенди²³, на этого казака! – взывал сосед Али, указывая на полуголого дончача. Это дикий степной тур! Сила его неизмерима! Умеет ухаживать за лошадьми и домашней скотиной! На каторге будет грести за троих! Пожалеешь, если не купишь такого батыра!

Покупатель подошел к пленникам Али, начал ощупывать мускулы невольников, заглядывал в рот, будто коням. Телохранители отводили в сторону тех, кого облюбовал их хозяин. Яцька забрали тоже.

Турок остановился перед Арсеном, вытер роскошным шелковым платком жирный выбритый затылок. Ему было лет сорок, но чрезмерная полнота старила его. Он прищурил припухшие веки и положил тяжелую руку на плечо казака.

²³ Эфенди (*тур.*) – высокочтимый; титул гражданского чиновника.

Арсен нетерпеливым движением сбросил ее, как что-то мерзкое.

Турок вспыхнул от гнева. Вытаращив мутные глаза, готовые выскочить из глазниц, он сжал кулак и изо всей силы ударил невольника в лицо.

Ярость затуманила разум Арсена. Вне себя от гнева рванулся вперед, даже веревки затрещали. Покупатель отшатнулся, вскрикнул, но было поздно. Могучий удар в левую скулу свалил его на землю. Тюрбан турка слетел с головы и упал в пыль.

Все это произошло так неожиданно – даже для самого Арсена, – что на какой-то миг все остолбенели. Али побледнел и судорожно шарил у бока, ища рукоятку нагайки. Телохранители кинулись поднимать хозяина. Невольники притихли, с ужасом глядя на перекошенное от злобы лицо турка и на невольника, который, тяжело дыша, отошел под стену.

Первым опомнился турок. Его увесистая нагайка обвилась вокруг головы Арсена. За ухом у казака лопнула от удара кожа, по шее потекла кровь.

Потом подскочили телохранители. Свалили казака с ног. Он закрыл лицо руками, чтобы не выбили глаза. Кто-то сорвал с него жупан. Кожух, в котором было зашито письмо Сирко, забрал Али еще в караван-сараяе. Удары сыпались беспрерывно... Плетки рвали сорочку и тело. Арсен подкатился под стену, чтобы хоть как-то уменьшить силу ударов. Но телохранители стали возле головы и ног, как молотильщики на току – напротив друг друга. Теперь стена не мешала им. От вида крови, выступившей на спине казака, они озверели и били смертным боем.

Арсен извивался, как уж. Сцепив зубы, чтобы не кричать, только глухо стонал. Али хватал купца за руки.

– Эфенди, кто мне заплатит за невольника? Они же забьют его насмерть!..

Вдруг дончак оттолкнул Али и упал на окровавленного запорожца, закрывая его своим телом. Сермяга свалилась у него с плеч. Несколько ударов сразу провели багровые полосы на белой спине. Хозяин кинулся к нему, чтобы оттащить: может пропасть ни за что такой сильный раб! Но тут вмешался турок. Он уже надел тюрбан и мрачно наблюдал, как избивают невольника.

– Осман! Кемаль! Хватит! Вы забьете его до смерти. Оставьте немного и для меня. Я куплю его... И этого тоже, – показал он на дончака. – Сколько они стоят?

Телохранители опустили плетки, отошли, переводя дыхание.

Али вмиг стал услужливым и хитро прищурил глаза. Кажется, Аллах помутил разум этого покупателя, можно нагреть руки. И он заломил такую цену, что сосед только ахнул: ай-вай! Но тут же и сам запросил за дончака столько же.

Турок не торговался, сразу отсчитал деньги за обоих невольников.

Дончак помог товарищу по несчастью подняться.

– Спасибо, друже, – тихо промолвил запорожец. – Как тебя зовут?

– Роман... Роман Воинов. Туляк я, а стал донским казаком... Удрал от немца-барона на волю, а попал в турецкую неволю... Ахма!.. Дай я тебе кровь оботру – ишь как уходили, проклятые! Кожа клочьями висит...

Роман, как сумел, перевязал сорочкой спину Арсену, набросил на плечи жупан.

В тот же день их загнали на большой сандал – быстроходный парусник – и заперли в тесном вонючем трюме. Здесь было темно, сыро, разило плесенью и овечьими шкурами.

На берегах Кызыл-Ирмака

1

За несколько дней, пока корабль плыл к Турции, Арсен пришел в себя, спина покрылась шершавыми струпиями и начала зудеть. Это был верный признак того, что раны заживают.

Подплывали к маленькому турецкому городку, и невольников вывели на палубу.

С моря дул холодный ветер, швырял в лица людей колючую изморось и соленую морскую пену. Почему-то долго не спускали трап.

С кормы долетали возбужденные голоса капудан-аги²⁴ и владельца рабов. Сначала Арсен не обращал внимания на их разговор, но потом стал прислушиваться.

– Не нужен мне невольник! – раздраженно кричал капудан-ага. – Мы договаривались, Гамид-бей, что ты заплатишь мне деньгами!

Гамид, выпячивая толстый живот, настаивал на своем:

– Не рассчитал я, капудан-ага. Потратился в Кафе. Дорога мне еще далекая – деньги нужны. Ты ничего не теряешь. Вот часть платы деньгами, вместо остальной выбирай себе какого хочешь раба. Продашь – получишь деньги. Еще с барышом будешь...

– Не нужен мне барыш! Раб сдохнет или убежит, и я останусь в дураках. Заплати мне мое – и освобождай корабль! Если б знал я, ага, что ты такая дрянь, то не связывался бы с тобой!

– Привяжи свой язык, капудан-ага, а не то потеряешь! – повысил голос Гамид. – И вот что: бери раба! А не хочешь – ничего не дам!

– Это на тебя похоже! Давай! Шайтан не брат – с ним подобру не договоришься! Только сам выберу...

– Я давно тебе об этом твержу, а ты уперся, как старый ишак!

После обмена такими «любезностями» капудан-ага и Гамид сошли с кормового мостика. Остановились возле невольников.

– Этого, – ткнул капудан-ага пальцем в грудь Романа. – И убирайся ко всем чертям с моего корабля!

Телохранители Осман и Кемаль поволокли Романа снова в трюм.

– Прощай, Арсен! – крикнул дончак. – Не поминай лихом! Удастся вернуться домой – передай в станицу Бобровскую... друзьям, а семьи не имею...

За ним захлопнулась крышка люка.

По шатким доскам невольников свели на берег. Здесь же, в небольшой закопченной кузне, всем на руки надели кандалы. А Арсену – еще и на ноги. Только Яцько остался незаконным.

Выступили в полдень. Гамид ехал на коне впереди каравана, состоявшего из десятка ослов, нагруженных покупками. За невольниками следили Кемаль и Осман. Комичную картину представляли со стороны эти длинноногие верзилы, горбившиеся на маленьких осликах. Однако длинноухие, с торчащими ребрами животные будто не чувствовали их веса и потихоньку топали, кивая головами.

Время от времени каравану встречались молчаливые путники с темными, словно окаменелыми, лицами и быстрыми взглядами черных глаз, отряды вооруженных спахиев²⁵ на конях и пеших янычар, степенные волы, тянущие неуклюжие арбы с огромными дощатыми колесами, нищие в лохмотьях...

²⁴ Капудан-ага (*тур.*) – капитан.

²⁵ Спáхия (*от перс.* – сипахи) – воин-всадник; он же в отставке – помещик.

Небольшие села удивляли невольников своим необычным видом. Низенькие круглые хатки из кирпича-сырца теснились в ущельях под скалами или на каменистых берегах мутных потоков. Омытые дождями, прокаленные солнцем, с мазаными глиняными кровлями, они походили на серые черепа, чернеющие пустыми орбитами – узкими проемами дверей и незастекленных окошек.

Пышная вечнозеленая приморская растительность вскоре исчезла. Начались плоскогорья, горы с дикими обрывами, колючими кустарниками и стаями шакалов и гиен, выходивших по вечерам на поиски добычи.

Арсен тяжело шагал по неровной разбитой дороге, поддерживая руками холодное железо кандалов. Яцько, уставший, осунувшийся, шел рядом. Руки засунул в рукава. Воротник свитки топорщился – из него выглядывал заостренный посинелый носик.

Позади сутулился высокий нескладный крестьянин из-под Черкасс по прозвищу Квочка. Вздыхнув тяжело, он пробубнил:

– Пропадем мы тут ни за понюшку табаку. Как сдохнешь – выкинут шакалам на поживу и не похоронят...

– А ты думал – обрядят тебя в тулуп из клен-дерева? – отозвался другой голос. – Рабу один почет – работай, пока не сдохнешь. А потом – на помойку тебя... А ты как думал?.. Такова рабская доля!

«Такова рабская доля, – повторил мысленно Арсен. – Но почему? Почему я должен быть рабом? Почему обязан день и ночь, лето и зиму, из года в год работать, как вол, на этого проклятого толстяка-богатея, которого раньше не знал и знать не хотел?.. Кто в этом виноват? Чернобай? Степные разбойники-людоловы? Или я сам? А может, Сирко, отправивший меня в дорогу? И вообще – что такое доля, судьба?..»

Скрипели, покачиваясь, встречные арбы, ревели проголодавшиеся ослы, звенели грязные заржавленные цепи кандалов. А мысли сновали и сновали, бесконечные, как эта ненавистная чужая дорога.

«И ни малейшей надежды на побег! Правда, осталось золото, – Арсен незаметно ощупывал кожаный пояс и диву давался, как это при всех злключениях последних недель никто не обыскал его и не отобрал денег. – Да и поможет ли золото здесь? Чужой далекий край, чужие обычаи и жестокие люди... Между чужбиной и отчизной – широкое бурливое море... Если бы жить где-нибудь на берегу моря, то осталась бы надежда на казаков, которые нападают на прибрежные города. А так далеко в глубь страны они никогда не заходят. Да и кто знает, куда ведет нас этот мрачный Гамид?..»

От мыслей становилось горестно на сердце. В будущее смотрел, как в собственную могилу. И чем дальше шли они каменистой дорогой на юг, тем холодней и темнее казалось солнце. Все больше и больше угасала малейшая надежда на возвращение домой... «...Забудет ли Гамид стычку в Кафе? Конечно же, нет. Неспроста ведь только ему – Арсену – надел и на руки, и на ноги такие тяжелые кандалы. Ведет к себе домой, затаив злобу, чтобы вволю поиздеваться... Ну, а с чего он решил, что непременно когда-нибудь вернется на Украину? Разве не так же надеялись и надеются на возвращение тысячи других невольников? Разве они не такие же сильные и смелые, как он? Не такие же ловкие? Припомни-ка: многие ли вернулись? Единицы! Кто-то сумел бежать, кого-то выручили казаки, кого-то выкупили родители или товарищи... Возвращались иногда старые, немощные, слепые... Турки жестоко расправляются с беглецами – им выжигают глаза и отпускают «на волю». Иди куда хочешь! Пускай тебя видят другие невольники и ужасаются кары за необдуманый поступок... Иногда добрые люди провожали их через Болгарию и Валахию на Украину; как деда Сома, и там они разбрелись по селам и хуторам, становились певцами-лирниками, кобзарями, нищими, пугая слушателей рассказами об ужасах неволи басурманской...

Неужели и тебя ожидает такая же судьба?»

2

Как-то под вечер караван Гамида спустился с плоскогорья в широкую долину и направился к мрачной, выложенной из дикого неотесанного камня крепости, стоящей на холме, недалеко от широкой и бурной реки.

Гремя кандалами, невольники в сопровождении надсмотрщиков прошли через узкие ворота крепости во двор и столпились под развесистым орехом, одиноко стоящим посреди стен из камня. Утомленные долгой изнурительной дорогой, они сразу же опустили на холодные каменные плиты, которыми был вымощен весь двор.

Молчаливая крепость сразу наполнилась шумом и гамом. Засуетились на внутренних галереях дома женщины в темных одеждах, завизжали от радости, ожидая подарков, дети и, словно стайка воробьев, высыпали навстречу Гамиду. Выбежали слуги.

Арсен безучастно смотрел на чужую жизнь. Ныли натертые железом ноги, нестерпимо хотелось пить. Услышав, что где-то журчит вода, он поднялся и заглянул через колючую живую изгородь, отделявшую от остального двора небольшое местечко. Там, в большой каменной чаше, бурлил прозрачный родник. Вода спадала в обросший мохом желоб, накрытый каменными глыбами, и по нему, очевидно, вытекала за границы замка.

Казак вышел из толпы, стал на колени над родником и зачерпнул пригоршнями холодную как лед воду. Она была немножко горьковата, словно настояна на зверобое, и тоненькими иголочками покалывала во рту.

Вытерев рукой темное обросшее лицо, устало поднялся. Внезапно прозвучал крик:
– Берегись, Арсен!

Оглянуться не успел: тяжелая нагайка хлестнула по голове. От неожиданности и боли он чуть не упал в воду, но кто-то сзади схватил за складки жупана и оттолкнул его в сторону. Нагайка снова и снова со свистом прорезала воздух.

– Поганый гяур! – шипел над невольником Гамид. – Ты осквернил источник, из которого пьют правверные!.. Но ты еще посягал на мою жизнь! О, хорошо запомнил я тебя! – Он невольно потрогал щеку. – Запомнил так, что ты долго будешь жалеть, что не сдох до сих пор! Тебя стоило повесить за эти две провинности, но смерть – не самая большая кара. Вот когда твоя жизнь станет нестерпимой и ты сам захочешь отойти в лучший мир, тогда ты поймешь, о чем я сейчас говорю, собака! А теперь прочь с моих глаз!

Гамид снова ударил казака нагайкой, и тот кинулся в толпу невольников, которые прикрыли его собой.

Надсмотрщики загнали их в глубокий мрачный подвал под домом. Сквозь маленькое зарешеченное оконце под самым потолком пробивался пучок серого света. Гдето шуршали крысы. С каменного потолка и со стен стекали струйки ржавой воды.

Невольники сгрудились посреди погреба.

– Вот тут нам, ребята, и могила, – глухо промолвил Квочка. – Хорошенькую хату приготовил для нас проклятуший турок, чтоб он пропал! Даже соломки подстелил, чтоб не отлежать бока. И солома небось гнилая... Так и есть! Тут еще и до нас полоненные жили. От них и осталась... – Он со злостью пнул ногой кучу ячменной соломы.

К большому удивлению невольников, оттуда послышался хриплый голос, словно захрюкал поросенок.

– Какая там зараза толкается? Ты что, ослеп или буркалы тебе засыпало? Не видишь, что тут люди спят?

– Тю на тебя! – воскликнул удивленный крестьянин. – Откуда ты тут взялся, леший тебя побери? И кто ты такой, что по-нашему гуторишь?

Куча соломы зашевелилась, и из нее вылезло какое-то странное существо.

Невольники со страхом разглядывали незнакомца.

Он стряхнул с себя солому, и все увидели худющего, истощенного мужичонку с глазами, горящими болезненным блеском. Сквозь лохмотья просвечивало желтое костлявое тело. От холода он клацал зубами.

– Что? Хорош? – вдруг хрипло засмеялся он. – Что, смотреть страшно? Не бойтесь, скоро сами такими станете... Пробудете, как я, лет десять в этом Богом и людьми проклятом месте, кто знает, выживете ли. Был и я когда-то такой же, как вы, молодой, сильный... А теперь одна кожа да кости. Как повернусь в соломе, будто сухари в мешке гремят.

– Как же тебя звать, человек? – спросил Арсен.

– Звали когда-то Свиридом Многогрешным... Не знаю, кто из моих предков так много нагрешил, что прозвище такое пристало к нашему роду. Но кто бы ни нагрешил, а расхлебывать за всех приходится мне.

– Так ты родич гетмана Демка Многогрешного?

– Было когда-то... Было, – неопределенно ответил тот.

– Сколько ж тебе лет, дед?

– Лет? Хе-хе! – скривился в усмешке бесцветный рот. – Лет мне всего сорок...

– Не может быть!

Арсену вспомнилось, что Метелице под шестьдесят и он мог еще кулаком оглушить вола. А этот от ветра закачается.

– Посмотрим, что с тобой будет, когда Гамид выжмет все соки, всю силу, когда руки твои повиснут как плети и зубы выпадут изо рта, и суставы распухнут на ногах, и вши тебя заедят, как паршивое поросся... Вот тогда ты вспомнишь Многогрешного: правду, мол, говорил бедолага...

– Мы и так тебе верим. Видать, что спишь ты не мягко, да, должно быть, и ешь не сладко...

– Тут тебя накормят! Догонят да еще и добавят! – Многогрешный засмеялся.

Он трясся от смеха, от кашля и от холода сразу. В косматой бороде торчали колючие остюки. Острые колени подгибались; казалось, они вот-вот переломятся, и этот мешок с костями с грохотом свалится вниз.

Все стояли молча, понурившись. Каждый воочию увидел свое будущее. Квочка тяжело вздохнул, начал причитать:

– Боже мой, Боже, пропала моя головушка!..

Арсен оглянулся на него, строго прикрикнул:

– Ну, нечего нюни распускать! И без того кисло. А если еще каждый будет хныкать, то мы и вправду Богу души отдадим в этой вонючей яме.

– Да я ничего, – начал оправдываться Квочка. – Просто на душе заскребло...

– Всем нелегко... Но и казак не без удачи. Глядишь, и вывернется когда-нибудь!

– Болтаешь пустое... Я тоже когда-то так думал, – прошамкал Многогрешный. – Все надеялся – убегу... Дудки!.. Куда, к черту, убежишь? Куда пойдешь, если до моря недели две хода и на каждом шагу тебя схватить могут! Ну, а доберешься до моря, так что? Нешто перепрыгнешь или по воде перейдешь?

Арсена начала разбирать злость. Это пугало, стоящее одной ногой в могиле, хочет посеять в их сердцах неверие, потянуть всех за собой... Нет, не выйдет! Они еще молоды, сильны и не должны терять надежды. Не зря говорят: деньги потерял – ничего не потерял, друга лишился – половину утратил, надежду потерял – все потерял.

Сдерживая раздражение, он взял Свирида за плечи и мягко сказал:

– Ты вот что, дядя Многогрешный, полезай обратно к себе в нору и не болтай лишнего. Не растравляй наши сердца. Нам и так тяжело...

Почувствовав, что Многогрешный пытается упираться, легонько подтолкнул его сзади, и тот покорно полез в свой угол. Кто-то притрусил его лежалой соломой.

Уставшие от многодневной дороги, невольники стали устраиваться на ночлег. Ложились вповалку, прижимаясь друг к другу, чтоб было теплее. Вскоре свет в окошке совсем померк, стало темно. От множества тел, от тяжелого дыхания в погребке стало тепло, даже душно. Всех сморил сон.

Но вскоре опять распахнулась дверь, и наверху зазвенели кандалы. В погреб спустилось еще несколько человек.

Кому-то наступили на ноги. Послышался стон.

– О-о, холера ясная, – выругался по-польски какой-то, судя по зычному голосу, верзила, – тут уже полно непрощенных гостей! Грицько, высеки огонь, зажжем свечку.

Из-под кресала сверкнули искры. Вспыхнул желтый огонек и осветил мрачные темные фигуры. Впереди стоял высокий человечище с жесткими, острыми, как спицы, усами и большим крючковатым носом. На вид ему было лет тридцать.

– Разрази меня гром, – снова загредел великан, переходя на говор лемков²⁶, приправленный полонизмами, – если эти новички, эти холопы, не заняли моего места! Это же такое свинство – припереться в чужую хату и занять лучший уголок, проше пана! Эй, холоп, – толкнул он ногой Квочку, скрючившегося в углу, – освобождай место!

Тот сонно захлопал глазами и недовольно буркнул:

– А ты что за птица?

– О, стонадцать дзяблов!²⁷ Он еще спрашивает! Тутай каждый знает пана Спыхальского... Потомственного шляхтича!.. Я был войсковым товарищем гетмана Яблоновского, проше пана! А какой-то холоп смеет называть меня птицей! Да?!

– Ну и что с того, что ты войсковой приятель гетмана Яблоновского? Невелика цаца! А я вот Гервасий Квочка... Слыхал?

– Не приходилось, проше пана, – на минуту смутился пан Спыхальский.

– То-то и оно! Ты про меня не слыхал, а я про тебя слыхал. Не знаешь, что за человек перед тобой, а кричишь! Негоже так, пан.

– Так, проше, кто ж ты есть?

– Бывший холоп твоего любимого гетмана Яблоновского, разрази его гром! Потом вольный крестьянин, хлебороб, так как бежал я из Заволаного на свободные земли... Теперь и ты и я – рабы турка Гамида. Выходит, мы одного поля ягоды... Так что не важничай, пан, а ложись рядом в эту берлогу и спи, если хочешь спать. А нет – ложись там, где стоишь, и не мешай людям сил набираться.

– О Матка Боска! – подскочил пан Спыхальский. – То пан есть земляк? Из Заволаного? А я из Круглика... Почему же пан сразу не сказал? Прошу прощения, пан Квочка. Что нового в Заволаном?

– Как давно пан оттуда?

– Уже три года.

– А я – четыре... Так что пан мало узнает от меня про своего гетмана... Разве что пану интересно послушать, как я с дружками отдубасил пана гетмана розгами...

– О! Как то было?

– А так. Надумал я с друзьями бежать в степи. Но не хотелось расставаться с паном не попрощавшись. Надо вам сказать, с ним была у меня сердечная дружба: он частенько гладил мою холопскую спину плетьюми, а я пускал иногда на его стога и скирды красного петуха. Как

²⁶ Лёмки – этнографическая группа украинцев, издавна живших в Карпатах между речками Саном и Попрадом, а также на запад от реки Уж.

²⁷ Дзяблов (пол.) – дьяволов.

раз случилось так, что должок за мной оставался. Как же уйти от пана, не рассчитавшись с ним? Вот я и подговорил хлопцев подстеречь пана. Встретили мы его у самой Матвеевой пасеки. Пан Спыхальский помнит тот лесок в долине, что по дороге из Заволаного к хутору Круглику?

– О да! Разве можно забыть то райское место? Во всем Прикарпатье, наверное, не найти красивее. Самой природой, проше пана, оно создано для любви...

– Вот то-то и оно, что так же думал и пан гетман. И не только думал, но и был влюблен там в женку одного шляхтича, жившего поблизости от Заволаного. Вот мы и подстерegli его, когда он к ней ехал верхом. Один схватил коня, придержал, а я с товарищем стянул ясновельможного пана на землю, содрал с него штаны, положил голым пузом на муравейник, а с другой стороны хорошенько всыпал березовой каши...

– Сто дзяблов! Мерзавец! – возмущенно воскликнул пан Спыхальский. – Как же ты посмел издеваться над паном гетманом? Над потомственным шляхтичем! Да за это тебя, холопа неотесанного, повесить мало! Изрубить на мелкие куски! Подумать только – не как-нибудь, а на муравейник... Да еще и березовыми прутьями!.. Как простого холопа...

Все проснулись и слушали, как с чувством ругался разгневанный и оскорбленный за своего сюзерена шляхтич. Арсена разбирал смех: пан Спыхальский явно забыл, что сейчас он не потомственный шляхтич, а раб.

Гервасий Квочка тоже усмехнулся в бороду. Было заметно, что его забавлял этот разговор.

– Но я же только возвращал долг, милостивый пан, – сказал он спокойно. – Сам Господь Бог завещал не оставлять неоплаченными долгов наших... А еще завещал он отплачивать око за око и зуб за зуб...

– Не в меру ты мудр, пан Квочка! – сердито воскликнул Спыхальский. – Пана гетмана – и вдруг на муравейник! Гром на твою голову! Чтоб тебя болячка задавила, разбойник паскудный! На кол тебя посадить бы, негодяя, чтобы знал, как потешаться над ясновельможным паном!

Он извергал проклятья и ругань и чуть было не бросился с кулаками на крестьянина. Гремя кандалами, свирепо тарашил глаза, дергал себя за встопорщенный рыжий ус.

Вдруг он замолк. В глазах промелькнуло недоумение. Спросил тихо:

– Ну, и чем же кончилась та печальная история?

– Чем надо, – степенно ответил Квочка. – Отдубасили мы пана на славу, натянули штаны и посадили на коня...

– Как же он сел?

– А он не сел – лег животом на седло, так и поехал.

– Холера ясная! Нет, стоило б поглядеть на такую картину... Ну, а та женка, пан Квочка, кто она? Вы видели ее? Это, случаем, не пани Зося, супруга пана Ястржембского из Залещиков?

– Нет, пан Мартын...

– Ты знаешь, как меня звать? – поразился Спыхальский. – Дьявольщина! Откуда?

– Как же! До сих пор помню все кодро пана гетмана...

– Но-но, не забывай, с кем говоришь! – напыжился пан Спыхальский. – Отвечай на вопрос!

– Я и отвечаю: нет, пан Мартын. К пани Зосе – как всем было известно – наведывались вы.

– Кгм... кгм... – закашлялся пан Мартын.

– А пан гетман увлекался женкой пана Мартына...

– Цо? – подскочил пан Спыхальский.

Даже в тусклом свете свечи было видно, как побагровело его лицо, а глаза полезли на лоб. Ошалевшим взором он обвел подземелье. Несмотря на страшный, даже трагичный вид его, невольники не могли удержаться от громкого хохота.

– Цо ты сказал? – растерянно переспросил пан Спыхальский. – Неужто пани Вандзя...

– Про это тоже все знали, кроме пана.

Пан Спыхальский поднял кулаки.

– Ты можешь дать мне слово чести? Хотя какое там слово чести у холопа... Ты можешь поклясться, что это правда?

– Как перед Богом.

– Проклятье! – воскликнул несчастный пан Спыхальский и грохнул закованными руками по каменной стене. – Проклятье! На кого же она меня променяла? Меня! Самсона! Геркулеса! На ту хилую дохлятину! На холодного гадкого змея!.. Тьфу!.. А пан гетман! Как он всегда был добр и ласков ко мне! Теперь понятно почему. О Езус, помоги мне вырваться из этой басурманской земли, и ты содрогнешься от мести, какую придумает пан Мартын!..

Он вдруг умолк и сел на пол. Бессмысленным взглядом уставился в угол, не обращая внимания на шум и смех, которые звучали вокруг.

– Хватит вам зубы скалить! – прикрикнул Арсен. – Гаси свечку! Спать пора. И ты, пан Мартын, ложись. Нашел время ревность разводить!..

Спыхальский глянул на казака, но ничего не ответил. Сидел молча, словно окаменел. Постепенно в подземелье затих шум. Новоприбывшие невольники потеснились, чтобы дать место старожилам, а те, уставшие, с оханьем и руганью опускались на тухлую, вонючую солому. Кто-то дунул на свечку, и сразу настала непроглядная тьма.

3

Рано утром надсмотрщики выгнали всех во двор. Было холодно и туманно. Невольники поднимали воротники, кутались в свои лохмотья, а новички – в еще не выношенную одежду, которая тоже пропускала пронизывающий холод.

Их выстроили в один ряд под стеной. Напротив стоял сам хозяин – Гамид. За ним – несколько турок-надсмотрщиков. «Погонят на работу», – подумал Арсен, гадая, куда пошлют его.

Когда надсмотрщики Осман и Кемаль заперли двери подземелья и стали с разных концов строя, Гамид подошел ближе, оглядел невольников и сказал:

– За побег – смерть! За непослушание – плети! За лень – тоже плети! Поняли?

Строй молчал.

Гамид презрительно скривил толстые губы. Тяжелый взгляд скользнул по мрачным лицам рабов.

– Вот ты и ты, – Гамид ткнул пальцем в сторону Яцька и Многогрешного, – выходите сюда. Станьте отдельно!

Яцько и Многогрешный отошли в сторону.

– А ты, запорожская собака, тоже выйди, – обратился он к Арсену. – С тобой у меня особый разговор.

Позвякивая кандалами, Арсен вышел вперед.

– Тот, кто только подумает о покушении на господина или надсмотрщика, умрет лютой смертью. Как этот казак... Но прежде чем умереть, он долго будет пить горькую чашу... Осман, брось его вниз, в темницу!

Осман толкнул казака ногами сабли:

– Иди, гяур!

Арсен оглянулся на товарищей, на Яцька, застывшего, будто испуганный зверек, под ореховым деревом и со страхом ожидавшего своей участи. Увидит ли он еще когда-нибудь их, этих товарищей по несчастью? А может, в домашней темнице Гамида найдет свою смерть?

Осман перевел его через двор и впереди него спустился по крутым ступеням в глубокое подземелье. Тяжелым ключом открыл окованную железом дверь.

– Заходи! – и толкнул в спину.

Арсен очутился в узкой мрачной пещере. Тяжелый от нечистот и спертый воздух ударил в нос и перехватил дыхание. Пока Осман не закрыл дверь, успел заметить прикованного к стене человека. Трудно было определить его возраст: растрепанные седые патлы закрывали лицо. Должно быть, не один месяц, а может, и год провел этот несчастный здесь, куда не проникал ни луч света, ни человеческий голос, кроме голоса надсмотрщика.

По спине поползли холодные мурашки: вот какую кару придумал для него Гамид!

Дверь закрылась. Могильный мрак и могильная тишина окутали оторопевшего казака. С минуту царило молчание. Потом звякнули цепи, послышался тихий хрипловатый голос:

– Ты кто, друг? – Вопрос был задан по-турецки.

– Невольник.

– Болгарин? Иль, может, казак? Урус? – сразу спросил тот по-болгарски.

– Казак, урус, – ответил Арсен. Он обрадовался, что услышал болгарскую речь, которую хорошо знал и которая так напоминала его родную. – А ты кто, добрый человек? За что тебя приковали в этой могиле?

– Подойди ближе, я хочу почувствовать рядом с собой живого человека... Хочу слышать твой голос, человеческий голос... Ибо здесь я уже много лет... Ты не представляешь себе, как страшно быть одиноким, не видеть солнца и неба над головой, не слышать щебета птиц, шума горных потоков, весенней песни ветра... Дай мне твою руку. О, какая она сильная и горячая! Это рука воина, твердая и честная... Слава Аллаху, что услышал мои мольбы и послал мне попутчика на моем тернистом пути. Мы поделим наше горе пополам, и оно покажется нам вдвое легче... Что это случилось, что Гамид вдруг решил посадить тебя ко мне?

Вопрос был неожиданным, и Арсен не знал, что ответить.

– Может, он бросил тебя только на несколько дней, чтобы потом я еще с большей силой почувствовал одиночество? – размышлял узник. – Он способен придумать такое...

– Может, и так, – согласился Арсен, вспомнив угрозы Гамида. – Думаю, что здесь я недолго задержусь...

– Но он ошибается, если думает меня этим сразить. Я уже ко всему привык. Ты вот спрашиваешь, кто я такой... Я странствующий дервиш²⁸, меддах²⁹... По-вашему – кобзарь... За многие годы я обошел всю Османскую империю – от Евфрата до Дуная и от Крымских гор до могучей и славной реки Нил. Всюду мне были рады, так как я приносил людям песню и веселую шутку или рассказывал о древних героях либо про далекие страны, где мне посчастливилось побывать. Только вот попал я в руки Гамида...

– За что же это он тебя так, ага?

– О, это давняя история. Я расскажу ее тебе... чтобы она не умерла вместе со мной... Да и на сердце станет легче, когда изолью кому-нибудь свое горе. Но сначала позавтракаем. Я слышу шаги надсмотрщика.

Кто-то отпирал замок. Через минуту мелькнул тусклый луч утреннего света, и незнакомый надсмотрщик внес две небольшие лепешки и ведро воды. Молча поставил посреди подвала и вышел, что-то бормоча.

– Глухонемой, бедняга, – пояснил меддах, откусив черствую лепешку и запив ее водой. – Это единственный человек, кроме Гамида, которого я видел в течение этих лет. Друг друга мы не понимаем. Ну, а с Гамидом у нас были поначалу горячие споры... Теперь он давно не показывается.

– Так расскажи, ага, о нем и о себе, – напомнил Арсен.

²⁸ Дёрвиш (*перс.*) – странствующий мусульманский монах-нищий.

²⁹ Медд́ах (*араб.*) – мусульманский странствующий сказочник, декламатор.

– Я не забыл, казак... Обязательно расскажу эту давнюю историю о том, что случилось со мной в болгарской Старой Планине. Воспоминания о тех событиях гнетут меня уже много-много лет... Присаживайся и слушай.

4

– Мы с Гамидом служили вместе в одном отряде спахиев, который стоял в средней Болгарии, – начал меддах. – Он был младшим командиром. В двадцать два года уже занимал должность казнадара³⁰, которую получил благодаря своему дядьке, чаушу³¹ бейлер-бея³². Хотя я был старшим, но случилось так, что мы с ним сошлись достаточно близко. Не подружились, нет. До этого не дошло, ибо, несмотря на молодость, Гамид был скрытным человеком. Однако мы часто проводили время вместе за бутылкой ракии³³ или за картами.

Насколько я знал, он не имел никаких доходов, как и я, жил скромно, тратя только то, что получить мог на службе. Мы завидовали тем, кто получал из дома большие суммы денег и жил как беи. К счастью, таких было немного, и они не очень растрavляли наши сердца.

Жизнь наша текла спокойно и размеренно. Служба была нетяжелой и перемежалась гулянками в караван-сараях³⁴ и ахчийницах³⁵ да разными проделками, на которые, признаюсь, я был большой мастак.

Но мы были аскеры, то есть воины, и в один миг все изменилось. Трубы и барабаны позвали нас в поход. Снова подняли против нас оружие – в который раз – болгары. Восстание вспыхнуло в Старой Планине, диких и малодоступных горах, пересекающих всю страну с запада на восток. Туда и послали наш отряд.

Я не буду рассказывать о том, как мы карабкались на неприступные утесы, переходили глубокие ущелья и обрывы, как вступили в бой с повстанцами и понесли первые потери. Скажу только, что за три недели мы насытились войной по горло, хотя она только разгоралась и не было видно ей конца.

Нам явно не везло. Гайдуки³⁶ хорошо знали свою родную страну и, пользуясь знанием местности и помощью балканджиев-горцев, нападали внезапно. Убивали нескольких спахиев или выкрадывали наших коней и исчезали в лесных чащах или уходили по таким крутым и опасным горным тропинкам, куда мы на своих конях не смели и сунуться.

Потом пришла беда. Гайдуки оцепили нас в одном ущелье, закрыли проходы из него – а было их только два – и начали понемногу подстреливать наших аскеров, которые неосторожно высывались из своих укрытий. Скоро наше положение стало нестерпимым. Несколько наших попыток прорваться закончились безуспешно – мы только несли большие потери. Начался голод. Все понимали, что без помощи нам не вырваться. Тогда паша собрал в свою пещеру старшин, стал вызывать добровольцев пробиться через заслоны гайдуков и доставить секретный пакет бейлер-бею с просьбой о помощи.

– Пойдут два смельчака, – говорил паша. – Если их заметят гайдуки, один из них должен будет пожертвовать собой ради всех нас и задержать врагов, а другой тем временем оторвется от них и с помощью Аллаха доберется до Загоры.

Не знаю, какой шайтан меня подтолкнул, но я встал и сказал:

– Я готов доставить пакет, почтенный паша!

³⁰ Казнадар (*тур.*) – казначей.

³¹ Чауш (*тур.*) – чиновник для особых поручений, посланец.

³² Бейлер-бей (*тур.*) – наместник султана, правитель области.

³³ Ракия (*болг.*) – водка.

³⁴ Караван-сарай (*тур.*) – заезжий двор.

³⁵ Ахчийница (*болг.*) – корчма, харчевня.

³⁶ Гайдук (*венг.* – хайдук и *болг.* – хайдут) – повстанец, борец против турецкого ига.

– Похвально! – воскликнул он. – Я всегда ценил твою храбрость и преданность нашему наияснейшему султану, Якуб-ага. Кто же будет вторым?

Он обвел глазами старшин.

Тут, неожиданно для меня, поднимается Гамид и заявляет, что он тоже согласен принять участие в этой рискованной операции.

– Если Якуб-ага захочет взять меня своим напарником, я с радостью предлагаю свои услуги, – сказал он и добавил: – Я верю в свою судьбу, а в моей храбрости, думаю, никто из присутствующих не сомневается. Аллах нам поможет, и мы возвратимся со свежими войсками бейлер-бея.

Умиленный старый паша, должно быть не очень надеявшийся на способность своих старшин к самопожертвованию, даже приподнялся с мягкого миндера³⁷ и обнял Гамида.

– Никогда не померкнет солнце ислама, ибо оно имеет таких мужественных и преданных защитников! – воскликнул он. – Я верю в вашу счастливую звезду, мои молодые друзья. И мы все надеемся встретить вас живыми и здоровыми через три-четыре дня, когда вы приведете сюда войска бейлер-бея.

Он отпустил старшин, вручил мне пакет, как старшему по чину, назвал тезкере³⁸ на все дни, пока нас не будет, и снова пожелал счастливого пути.

Несмотря на то, что в ту пору с вечера до самого утра светила луна, мы с Гамидом, как только стало темнеть, вышли из лагеря, перебрались через горный хребет и потихоньку начали спускаться по его противоположному склону в долину, поросшую вековым лесом. До сих пор не знаю, посчастливилось ли нам скрытно пробраться мимо гайдукских застав, или гайдуки следили за нами, решив схватить позднее, подальше от лагеря, чтобы наши не знали, но, как бы там ни было, мы отошли от ущелья на фарсах³⁹, а то и на полтора, никого не встретив. Я уже поверил, что нам посчастливилось и мы в тот же день вечером благополучно доберемся в ставку бейлер-бея.

Шли мы по узкой дорожке. С обеих сторон окружал нас буковый лес, а выше, в горах, темнели ели и сосны. Круглая луна катилась между гор по густо-синему небу. Дышалось легко. Свежий ночной воздух был настоян на чудных запахах высокогорных лугов и лесов.

Вдруг позади нас затрещали кусты, и кто-то крикнул по-болгарски:

– Стойте, турецкие собаки!

Другой голос повторил то же самое по-турецки. Прозвучал выстрел из янычарки⁴⁰, но пуля не задела ни меня, ни Гамида.

Я быстро передал пакет Гамиду.

– Беги! Я задержу их! – шепнул ему, вытаскивая из-за пояса пистолеты и поворачиваясь лицом к невидимым врагам.

И в тот же миг сзади прогремел выстрел. Что-то тупо ударило в спину. Падая, я повернулся и увидел, что в руке у Гамида дымится пистолет. «Неужели он выстрелил в меня? – мелькнуло в голове. – За что? Что я ему плохого сделал?» Я хотел крикнуть – и не смог. Ноги подкосились, все поплыло вокруг, луна на небе будто взбесилась: запрыгала, замелькала, потом покатила вниз – прямо на меня... И я упал.

Падая, я услышал еще, как Гамид крикнул:

– Не стреляйте! У меня для вашего воеводы важные вести!

³⁷ Миндёр (*тур.*) – подушка для сидения.

³⁸ Тезкерё (*тур.*) – пароль, пропуск.

³⁹ Фарсах (*тур.*) – мера длины, равная 4 км.

⁴⁰ Янычарка (*укр.*, производное от «янычар») – ружье, которое было на вооружении у янычар.

До сих пор эти слова звучат в моих ушах, будто слышал их только вчера. Много ушло из моей памяти, забылось. Даже образы близких и родных мне людей стерлись. А эти слова изменника навеки врезались в память.

Проснулся я от острой боли в груди и долго не понимал, где я. Открыл глаза, оглянулся.

Лежал я на простой деревянной кровати в небольшой темной комнате, стены которой были увешаны шкурами диких зверей. Высокое узкое окно в противоположной стене напоминало бойницу замка. Да это, наверное, и была бойница. Толстые дубовые двери не пропускали в комнату ни одного звука.

Что со мной? Где я? Среди друзей или среди врагов?

Я не мог ответить на эти вопросы и лежал пластом, так как от малейшего движения боль разрывала грудь.

Потом я снова впал в забытье. А когда очнулся, то увидел возле себя мальчика лет пяти-шести. Он стоял у кровати и внимательно рассматривал меня. В его блестящих черных глазенках любопытство боролось со страхом. Когда он заметил, что я проснулся и смотрю на него, то хотел убежать, но, очевидно, любопытство победило, и мальчик остался.

На нем была красная бархатная курточка и черные с застежками ниже колен штанишки. Белый воротничок сорочки оттенял нежный загар детской шейки. Все в нем было по-детски мило, наивно.

Его правая рука ниже локтя была обвязана куском серого полотна.

– Кто ты такой? – спросил он меня по-болгарски. Из этого я заключил, что нахожусь у болгарских повстанцев – гайдуков.

– Меня зовут Якубом, – ответил я по-турецки. – А тебя?

Мальчонка тоже перешел на турецкий язык, да такой изящный, чистый, что я засомневался в прежнем своем выводе.

– А я – Ненко, – ответил он и добавил: – Я – гайдук! А ты?

Теперь сомнений не было. Детская непосредственность развеяла их как дым. И так, я в руках гайдуков, и меня лечат – перевязывают таким же полотном, как и мальчика, – вероятно, для того, чтобы допросить и подвергнуть нечеловеческим пыткам. Это открытие вконец испортило мое настроение, но я, не показывая этого, ответил:

– А я – турок.

Мое признание ничуть не встревожило его.

– А почему же ты не страшный? – удивился он.

– Ведь ты тоже не страшный, хотя и гайдук, – ответил я ему в тон.

– Гайдуки – это герои, они борются за свободу Болгарии, – гордо сказал Ненко, повторяя, наверное, чужие слова. – Когда я вырасту, то стану настоящим гайдуком, как мой отец! Гайдуков все любят и уважают, кроме турков и помаков⁴¹, которые убивают их, сажают на колья и выжигают глаза.

Я не нашелся, что ответить: все, что он говорил, была святая правда. Не все, но очень многие из спахиев, а особенно из янычар, действительно жестоко мучили пленных гайдуков, и даже изощреннее, чем это представлял Ненко. Я перевел разговор на другую тему.

– Кто же твой отец, Ненко?

– Воевода Младен... Он скоро победит турок, и тогда вся Болгария станет свободной!

Мне все больше нравился мальчик, хотя он и говорил неприятные для турецкого уха вещи.

Значит, его отец – воевода Младен, вождь повстанцев. Мы все слышали о нем, знали также, что это он окружил наш отряд в той проклятой долине, откуда не было выхода.

– А как звать твою маму?

⁴¹ Помак (болг.) – болгарин, принявший мусульманство.

– Маму зовут Анкой, – коротко ответил Ненко.

– Что это у тебя с рукой?

Мальчик глянул на повязку.

– Ястреб когтями цапнул. Я хотел достать его из клетки, а он ка-ак схватит меня – да к себе!.. Еле оторвали. Так и разодрал руку почти до кости.

– Сильно болит?

– Болело. А теперь нет. Уже заживает.

Я не успел произнести и слова, как Ненко быстро размотал повязку и протянул мне свою тоненькую ручку. От локтя до запястья чернели три длинных струпа. В некоторых местах они уже отпали, и там просвечивали свежие розовые рубцы.

– Ты не плакал?

– Плакал, но... немного... Гайдуки ведь не плачут!

– Ты молодец. Хочешь, я расскажу тебе сказку?

Мальчик ловко завязал руку. Видно, не одному мне показывал свои раны и уже научился сам делать перевязку.

– Хочу, если она про разбойников или героев... Но подожди, я позову Златку.

– Златку?

– Это моя сестричка, – пояснил он.

Он исчез за дверями и вскоре привел девчущку лет трех. Она была похожа на брата, но, в отличие от него, – синеглазая, хотя волосы у нее были черные, кудрявые.

Дети забрались ко мне на кровать, и я начал рассказывать что-то из сказок об Аладдине. Глазенки детей уставились на меня и в течение всего рассказа уже не отрывались от моего лица. Ненко забыл, что я турок, да и я тоже, – что он сын воеводы гайдуков, против которого я воевал и которого должен ненавидеть всем сердцем. Прекрасная сказка захватила и детей и меня. Карие глаза Ненко сияли от восторга, а мне казалось, что уже не так жжет под правой лопаткой.

За первой сказкой последовала вторая и третья. Мальчик не шевелился, весь превратившись во внимание, и даже когда слышался женский голос, зовущий его, он не откликнулся, а прижал палец к губам, чтобы я молчал.

Но Златка вскочила с кровати и мягким клубочком выкатилась из комнаты в приоткрытые двери. А через минуту на пороге появилась молодая красивая женщина в белой сорочке и длинном темном сукмане⁴².

– Ненко, сынок, мы с ног сбились, разыскивая тебя и Златку! Что ты здесь делаешь?

– Я слушаю сказки. Пожалуйста, не мешай нам, – недовольно ответил мальчонка.

Женщина удивленно взглянула на меня, взяла детей за руки и молча вышла из комнаты. Дверь осталась немного приоткрытой.

Незаметно я задремал. Не знаю, сколько прошло времени. Меня разбудили мужские голоса, долетавшие из соседней комнаты. Один из них я сразу узнал – это был голос Гамида. Второй тоже был вроде знакомый, но я никак не мог вспомнить, где и когда я его слышал.

– Я рассказал все, Младен-ага, – говорил Гамид. – Сообщил тезкере на ближайшие пять дней. С ними твои воины могут легко проникнуть в расположение нашего отряда и захватить его врасплох. Спахии голодают и едят конину, но и ее мало, так как паша не позволяет резать коней. За них ему придется отвечать. А за людей – нет. Таковы порядки! Теперь остается только отпустить меня, поскольку это единственное условие, которое я поставил, перед тем как откровенно рассказал про свой отряд все, что знал.

⁴² Сукман (болг.) – платье без рукавов из домотканого сукна.

– Не торопись, ага, – отвечал второй голос: – Я отпущу тебя, когда все твои сведения подтвердятся... Одного понять не могу: что заставило тебя изменить своим? Ты даже не пытался бежать...

– Я не смог бы далеко убежать. Меня все равно поймали бы твои люди, и я давно болтался бы на суку либо сидел на колу, вытаращив глаза. Ни то, ни другое меня не привлекало. К тому же есть и другие причины, о которых я ничего сейчас не могу сказать.

– Для чего же тебе понадобилось убивать своего товарища?

– Я не хотел оставлять свидетеля.

Наступило молчание. От ярости я вновь едва не лишился сознания. Мерзкая тварь! Теперь я точно знал, что стрелял в меня Гамид! Если раньше еще колебался, думал, что все это почудилось в бреду, то теперь сам Гамид развеял мои сомнения. Перед глазами снова поплыли желтые круги, меня всего трясло как в лихорадке. Я закричал, но из груди вырвался только слабый стон.

Не знаю, как я не задохнулся от переполнившей меня ненависти. Во мне вспыхнуло страстное желание – тут же, на месте, убить этого подлого пса. Рванулся с подушки, но острая боль в груди свалила опять в постель. «Лежи, Якуб, лежи! – казалось, говорила она. – Ничего ты сейчас не сможешь сделать со здоровым Гамидом. Набирайся сил, надо еще вырваться из рук гайдуков, а потом уже думать о мести!»

Открылась дверь, и я увидел мужчину моих лет, среднего роста, в суконном кунтуше и в мягких юфтовых сапогах, с саблей на боку и богато инкрустированными пистолетами за широким болгарским поясом. Это был, без сомнений, воевода, который только что разговаривал с Гамидом. Он вышел из глубокой дверной ниши и, улыбаясь, подошел ко мне.

– Ты не узнаешь меня, Якуб? Тебе уже, кажется, лучше?

Свет из окна упал на его лицо, и я с удивлением узнал в воеводе своего бывшего школьного товарища Младена. Так вот почему голос воеводы показался мне таким знакомым! Младен, друг и товарищ моих юношеских лет, – вождь повстанцев, гайдуцкий воевода! Кто бы мог подумать, что произойдет такое превращение! Теперь я понял, как очутился в этой комнате и почему меня усердно лечат, вместо того чтобы повесить или расстрелять. Младен узнал меня и заботится обо мне.

– Младен! – воскликнул я, превозмогая боль. – Младен, неужели это ты?

– Как видишь, это действительно я, – ответил он, осторожно пожимая мою руку. – Вот как, друг мой, пришлось нам встретиться – ты в одном, а я в другом лагере. Ты, верно, уже догадался, что я и есть воевода Младен, которого проклинаят во всех мечетях и на всех перекрестках империи. Да и сам, должно быть, не раз желал мне провалиться в тартарары и хотел видеть мою голову на копье спахии...

– Ты не преувеличил, Младен, – ответил я. – Но все же я рад видеть тебя в полном здравии, хотя и не уверен, в полном ли ты разуме.

– Почему?

– Ничем иным, как потерей рассудка, я не могу объяснить твое участие в этом несчастном восстании, которое с самого начала обречено на гибель.

– Ты ошибаешься, Якуб, – возразил воевода. Голос его зазвучал, как туго натянутая тетива лука. – Как тебе было известно, я болгарин, болгарский обнищавший князь, у которого султан отнял все, кроме имени: родину, людей, землю, скот. Сохранилось только это горное гнездо на Старой Планине, ставшее моим пристанищем, моим укрытием. Всюду я видел гнет и несправедливость. Султан захватил наши плодородные земли, разделил и раздал их своим воинам. Наши хлеборобы должны теперь работать на них, платить десятину, что только зовется десятиной, а на самом деле достигает трети их доходов. Кроме того, военный налог – харадж, подушный – джизье и, наконец, проклятый испендж – подать кровью: каждого десятого болгарского мальчика султан насильно отбирает у родителей и отдает в янычарский корпус, чтобы из

этих несчастных детей вымуштровать янычар. Турки закрывают наши церкви, лишают коренное население всяких прав. Бейлер-беи, санджак-беи и паши, как черное воронье, налетели на Болгарию, на все Балканы и кровавыми когтями терзают самое сердце народа! Мог ли я спокойно смотреть на эти издевательства, унижения, убийства и грабежи? Могло ли мое сердце мириться с черной несправедливостью? Разве оно каменное или наполнено мертвой сукровицей, а не горячей кровью?.. Вот почему ты видишь меня сегодня воеводой болгарских гайдуков – повстанцев, борцов за свободу своего народа и своей страны!

Он говорил вдохновенно. Умные глаза его горели верой в справедливость того дела, за которое он выступил на борьбу с могучей Портой. Высокий белый лоб, длинные волосы, темной блестящей волной спадавшие на шею, небольшие черные усы делали лицо выразительным, обаятельным.

Мне стало стыдно за свои слова.

– Младен, – сказал я, – когда мы учились с тобой в медресе, ты казался мне честным, умным, хотя, может, немного вспыльчивым юношей. Теперь я вижу, что знал тебя недостаточно. Ты был еще и скрытным – никогда, ничем не выдал того, что было у тебя на душе. И хотя я знал, что ты болгарин, однако не придавал этому никакого значения, считая, что стать турком и быть турком почетно, лестно для каждого, в том числе и для болгарского княжича Младена. Теперь вижу, как я ошибался. Ты стал защитником своего угнетенного народа и нашел в себе смелость открыто выступить против могущественного и беспощадного врага. Беру свои слова назад, Младен, ибо преклоняюсь перед твоим мужеством. Я не могу стать твоим единомышленником и не могу сочувствовать твоим убеждениям. Я не стану помогать тебе ничем в войне против моих соотечественников, потому что не хочу быть изменником, подобно Гамиду, который хотел убить меня и раскрыл тебе все наши секреты. Однако всем сердцем верю, что не мог ты выступить за несправедливое дело, и сочувствую тебе... Пусть бережет тебя Аллах!

– Спасибо, Якуб, – произнес Младен. – Спасибо за то, что ты понимаешь меня. Но я никак не думал, что тебе все известно о Гамиде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.